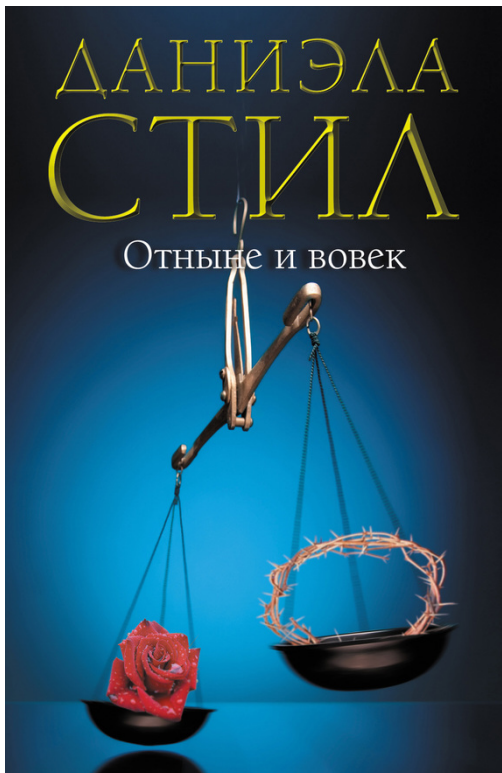

ДАНИЭЛА СТИЛ

Отныне и вовек

Даниэла Стил

Отныне и вовек

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125863
Даниэла Стил. Отныне и вовек: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-58905-0

Аннотация

Джессика Кларк замужем больше семи лет, но все еще влюблена в своего мужа, как школьница. Их семейная жизнь полна страсти и огня: для нее нет никого желаннее, для него – соблазнительней. Джессика, конечно, догадывается, что, когда она уезжает в командировки, Ян, как и многие молодые мужчины, позволяет себе флирт с какой-нибудь красоткой в баре. Но он не давал жене серьезного повода для ревности. До тех пор, пока в их особняк не постучались полицейские и не сообщили, что Ян арестован по обвинению в нападении на девушку.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	22
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Даниэла Стил

Отныне и вовек

*Посвящается Беатрисе
за то, что она была такой замечательной
и всегда любящей.*

Д. С.

*Есть три вида душ,
Три вида молитв.
Один:
Я предаю себя в руки Твои,
Господи.
Дай мне сил не
рассыпаться в прах.
Второй:
Избави меня, Господи,
Ибо силы мои на исходе.
Третий:
На все воля Твоя, и кто
опечалится,
Если я выбьюсь из сил
Выбирай!*

Из «Послания к Греко» Никоса Казанцакиса

Глава 1

Погода была восхитительной. Стоял ясный солнечный день с белоснежными облаками, застывшими на ярко-синем небе. Настоящее бабье лето. Как жарко! Жара, казалось, расплавила все кругом, сделав податливым, как воск, и чувственным. Это совсем не походило на Сан-Франциско, что было только к лучшему. Ян сидел, освещенный полуденными лучами, за небольшим столиком из розового мрамора на своем привычном месте в ресторане Энрико на Бродвее. А рядом деловито жужжал поток машин, неторопливо шли на ленч пары. Жара вызывала непередаваемые ощущения.

Он положил ногу на ногу, слегка задев стол, три маргаритки качнулись в стакане. Хлеб был свежим и мягким. Тонкими, изящными пальцами отломил кусочек. Две девушки наблюдали за ним и хихикали. Он был не просто «мил», он был сексуален. Даже они знали это. А еще красив. Привлекателен. Элегантен. У него был класс. Высокий худощавый блондин с голубыми глазами, высокими скулами, длинными ногами, руками, которые обращали на себя внимание, лицом, от которого невозможно было оторваться... телом, которым любовались. Красивый мужчина – ничего не скажешь. И Ян Кларк отдавал себе в этом отчет, относясь к данному факту совершенно спокойно. Знал он, знала и его жена. Ну и что? Она тоже выглядела великолепно. Они и не задумывались о таких вещах. А вот другие... Люди любили разглядывать их с тем жадным интересом, с каким рассматривают знаменитостей в надежде узнать, что они говорят, куда направляются, с кем знакомы, что едят... как будто какая-то часть их шарма может исчезнуть. На самом деле такого никогда не произойдет. С этим нужно родиться. Или потратить огромные деньги на то, чтобы научиться так притворяться. Яну не нужно было притворяться. Природа и так щедро наградила его этим даром.

Женщина в розовом платье тоже не обошла его вниманием. Она пристально смотрела на Яна сквозь узор ячеек своей большой шляпы из натуральной соломы. Ей был виден даже светлый пушок на его обнаженных руках – от жары он закатал рукава рубашки. Женщина расположилась за несколько столиков от Яна, и тем не менее ни одна деталь не ускользнула от нее. Как, впрочем, и прежде. Он же ни разу ее не заметил. Да и зачем ему? Удовлетворив свое любопытство, незнакомка отвела глаза. Ян и не подозревал о ее существовании. Его занимал открывающийся вид.

Жизнь была невероятно прекрасной, полновесной, щедрой и легкой. Все утро он работал над третьей главой, и теперь персонажи оживали, становясь похожими на людей, которые гуляли сейчас по Бродвею... смеялись, перебрасывались шутками. Для него герои нового романа были так же полны жизни. Ян знал их как свои пять пальцев. Он был их отцом, другом, создателем. Они сделались его закадычными друзьями. Новая книга, – какой необыкновенный прилив сил ощущал он сейчас. Какие восхитительные чувства овладели им. Новые лица, новые люди. Стуча по клавишам машинки, Ян почти физически ощущал их присутствие в комнате. Невероятно, но и прикосновение к клавишам было приятно его пальцам.

Ян имел все: город, который он любил, новый роман, жену, с которой ему по-прежнему было весело и нескучно и с которой он с удовольствием занимался любовью. После семи лет брака ему так же нравился ее смех, улыбка, взгляд, то, как она сидела обнаженная в его студии, устроившись в старом плетеном кресле-качалке, потягивая пиво и читая только что написанные им страницы. Все казалось замечательным, особенно теперь, когда его роман готов был распуститься, как цветочный бутон. Волшебный день. И Джесси должна вернуться домой. Эти три недели были такими плодотворными, но внезапно его охватило одиночество и, как ни странно, желание... Джесси.

Ян закрыл глаза и отгородился невидимой стеной от звуков транспортного потока... Джесси... изящные ножки, гладкие, как атлас, светлые волосы, зеленые глаза с золотистыми крапинками... Два часа ночи. Жена ест хлеб с изюмом, намазанный арахисовым маслом и абрикосовым джемом, и спрашивает его мнение о весеннем ассортименте товаров для ее магазина... «Ян, скажи мне честно, что ты думаешь о новой весенней коллекции? Нравится тебе она или нет? С мужской точки зрения... будь откровенен...» Как будто мнение мужчин имело какое-нибудь значение. Такие большие зеленые глаза, всматривающиеся в него, точно спрашивая, все ли у него в порядке, любит ли он ее... О, да.

Ян думал о жене, потягивая джин с тоником, и в который раз почувствовал себя в долгу перед ней. От этой мысли он ощутил холодок где-то в груди. Да, он многим был обязан ей. Джесси столько пришлось вынести... Его преподавание за гроши, подмены, которые приносили ему еще меньше. Работа в книжном магазине, которую она ненавидела из-за того, что это унижало его достоинство. У Яна даже был легкий флирт с журналистикой после того, как провалился его первый роман. И тут неожиданно свалившееся наследство жены, которое решило столько проблем. Их, но не его.

– Знаете ли, миссис Кларк, однажды вам до смерти надоеет быть женой нищего писателя. – Ян внимательно следил за выражением ее лица в тот момент, три года назад, когда она покачала головой и улыбнулась в ответ...

– Ты не похож на человека, у которого нет ни гроша за душой. – Джесси слегка похлопала его по животу и нежно поцеловала в губы. – Я люблю тебя, Ян.

– Ты, должно быть, сумасшедшая. Но я тоже люблю тебя. – Для него это было трудное лето. За восемь месяцев он не заработал ни цента. У Джесси, конечно, были деньги. Черт бы их побрал.

– Почему? Потому что я уважаю твою работу? Потому что я считаю тебя хорошим мужем, даже если ты больше не работаешь на Мэдисон-авеню? Так? Ты жалеешь об этом

или будешь мучить себя до конца жизни тем, что произошло? – В ее голосе чувствовался гнев с легким привкусом горечи. – Почему ты не можешь просто получать удовольствие от того, кто ты есть?

– А кто я?

– Писатель. Хороший писатель.

– Неужели?

– Критики именно так и говорят.

– А мои гонорары – нет.

– Ну и черт с ними, с твоими гонорарами. – Джесси выглядела такой серьезной, что он не мог сдержать смех.

– Их размеры не позволяют мне продолжать это занятие, не говоря уже о том, чтобы получать удовольствие.

– Замолчи... зануда. Иногда ты сводишь меня с ума. – Ее лицо потеплело от улыбки, Ян наклонился и поцеловал жену. Джесси медленно провела пальцем по его бедру, наблюдая за ним с ласковой улыбкой, и он почувствовал, как по всему телу пробежала волнующая дрожь!

Ян все еще помнил то ощущение. Прекрасно помнил.

– Я обожаю тебя, злая женщина. Поехали домой.

Они ушли с пляжа, держась за руки, как два подростка, и на их лицах блуждала счастливая улыбка. Проехав несколько миль, Ян заметил узкий залив недалеко от дороги и остановил машину. Они занялись любовью под деревьями, почти у самой воды, окруженные звуками буйного лета. Он по-прежнему помнил, как потом они лежали на мягкой земле в одних рубашках, пальцами ног играя с песком и мелкими камешками. Ему казалось, что он никогда не поймет, что же так привязало его к ней... И почему? А ее к нему? Вопрос, который предпочитают не произносить вслух... Почему? Да из-за твоих денег, дорогая, почему же еще? Никто в здравом уме не задавал подобных вопросов, но иногда его так и подмывало спросить. Порой Ян со страхом думал, что Джесси привязала к нему вера в его талант писателя. Он гнал от себя эту мысль, но в какой-то мере дело обстояло именно так.

Все эти ночные споры за чашкой кофе и бутылкой вина в его студии. Джесси всегда была так чертовски самоуверенна. Когда ему это было нужно.

– Я знаю, у тебя получится, Ян. Вот увидишь. Я уверена.

Что за женщина! Вот почему она заставила его отказаться от работы на Мэдисон-авеню, потому что не сомневалась в нем. Или хотела, чтобы он был зависим от нее? Временами Ян задумывался и об этом.

– Но откуда, черт возьми, ты знаешь? Откуда ты можешь знать, что у меня получится? Это – мечта, Джесси, фантазия. Великий американский роман. А ты представляешь, сколько полных ничтожеств кропают потихоньку, надеясь подарить миру шедевр?

– Кого это, черт побери, волнует? Они не ты.

– Может быть, и так.

Однажды, когда Ян так выразился, Джесси запустила в него стаканом с вином, что его позабавило. Они помирились, занимаясь любовью на пушистом меховом ковре. Вино капало с его подбородка ей на грудь, и они вместе смеялись.

Вот почему сейчас он хотел написать хороший роман. Должен. Для нее. Для самого себя. На этот раз непременно. Шесть лет упорного труда принесли ему один ужасный роман и сборник рассказов, который критики ставили в один ряд с признанными шедеврами. Сборник разошелся тиражом менее семисот экземпляров. Роман не набрал и того. Но эта вещь – совсем иное дело. Он знал это. Новый роман был вызовом ее леди Джей.

«Леди Джей», так назывался бутик Джесси. Она сделала из него конфетку. Безупречный вкус, художественное чутье, умение тонко улавливать веяния времени. Джесси относилась к той породе людей, которые обращают в золото все, к чему они прикасаются. Свеча,

шарф, украшение, яркое цветное пятно, намек на улыбку, ощущение тепла, всплеск шика и стиля. Бездна стиля. Джесси родилась с чувством стиля. Она купалась в нем. Даже представшая перед ним обнаженная и с закрытыми глазами, она несла свой стиль.

И так же она влетала в его студию во время ленча с развевающейся гривой волос, улыбающимися глазами, целуя мужа в шею, и неожиданно роскошная чайная роза падала на его бумаги. Неправдоподобной красоты роза или великолепный желтый тюльпан в хрустальной вазе рядом с его кофейной чашкой, несколько тонко нарезанных ломтиков острой копченой ветчины, ароматная дыня, сыр бри... «Нью-Йорк таймс» или «Фигаро». У нее был волшебный дар. Дар придавать всему, что ее окружало, особую неповторимость и красоту.

Ян улыбнулся еще раз, вспоминая о жене, когда его взгляд скользил по публике за другими столиками. Если бы Джесси была здесь, она надела бы что-то экстравагантное: платье с глубоким вырезом на спине, но полностью скрывающее руки, или наглухо закрытое, но с разрезом, дающим возможность оценить ее стройные ноги, а может – замысловатого фасона шляпку, из-под которой бы блеснули пронизательные зеленые глаза. Эти мысли привлекли его внимание к незнакомке в соломенной шляпе. Ян не замечал ее раньше. Но в жаркий солнечный полдень после двух порций джина с тоником ему показалось, что дама стояла того, чтобы на нее посмотреть. Он едва мог разглядеть ее лицо. Только подбородок.

У женщины были тонкие изящные руки, на пальцах ни одного кольца. Ян наблюдал, как она потягивала что-то пенистое через соломинку, и вдруг почувствовал смутное волнение, которое возникало, когда он думал о своей жене. Он стал присматриваться к девушке в шляпке. Как досадно, что Джесси не было дома. Самое время отправиться на пляж и поплавать, поваляться на песке и смазывать друг друга кремом для загара... То, как незнакомка в шляпке двигала ртом соломинку в стакане, возбудило его. Заставило захотеть Джесси. Немедленно.

Принесли его канеллони¹, неудачный выбор. Слишком жирные, слишком горячие и слишком их много. Надо было заказать салат. После едва пригубленного ленча кофе ему тоже не хотелось. Слишком чудесный был день, чтобы наказывать себя. Проще походить, погулять. Совершенно безобидное занятие. Яну было хорошо у Энрико, как и всегда. Здесь он мог расслабиться, понаблюдать за посетителями, встретиться с писателями, которых знал, и полюбоваться женщинами.

Без каких-либо особых на то причин он позволил официанту принести ему третью порцию спиртного. Ян редко пил что-нибудь кроме белого вина, однако на этот раз джин был холодным и приятным на вкус. Третья порция не причинит ему вреда. Было что-то такое в жарких деньках в обычно прохладном климате... что сводило с ума.

Публика в ресторане Энрико убывала и прибывала, заполняя столики поближе к тротуару и избегая красных кабинок внутри. Бизнесмены освобождали свои шеи от галстуков, модели прихорашивались, художники рисовали, уличные музыканты играли, а поэты шутили. Музыка и голоса заглушали шум транспорта. Это напомнило Яну последний день в школе. Топлес-бары по другую сторону от ресторана были безмолвны, их неоновые вывески мертвы до наступления темноты. Так ему казалось гораздо лучше. Настоящим. Молодым, энергичным, с оттенком игры.

Девушка в шляпе так и не показала своего лица, когда Ян уходил. Однако она все время следила за ним. Затем молча пожала плечами и сделала знак, чтобы ей принесли счет. Она всегда могла вернуться назад или... Какого черта...

Ян размышлял о ней на пути к машине, слегка навеселе, но не настолько, чтобы это было заметно. Он сочинял строки «Оды прекрасной незнакомке». Ян засмеялся, проскользнув за руль автомобиля жены, мечтая так же легко овладеть и ею. Он был очень возбужден,

¹ Трубочки из теста с мясной, сырной и т. п. начинкой. – Прим. ред.

ведя маленький красный «Морган». И получал необычайное удовольствие от машины. Это был роскошный подарок, подумал Ян, прибавляя скорость. Чертовски роскошный. Для чертовски роскошной женщины. Он купил для нее автомобиль на аванс за сборник рассказов, отдав сразу всю сумму. Сумасшествие. Но Джесси обожала машину. А он точно так же обожал ее.

Ян развернулся и снова выехал на Бродвей, остановился у светофора и, проезжая мимо ресторана Энрико по пути домой, краем глаза заметил, как справа промелькнуло что-то розовое. Шляпа крутилась на одном пальце, в то время как ее лицо было обращено к небу, бедра грациозно покачивались, когда она шла мимо в босоножках на высоких каблуках. Розовое платье облегалo фигуру, а рыжие волосы легкомысленными кудряшками обрамляли лицо. В розовом она выглядела необычайно привлекательно и так чертовски сексуально. Такой зрелой и такой юной... Двадцать два? Двадцать три? Ян почувствовал тот же голод, какой у него появился, когда он смотрел на нее некоторое время назад. В ее медных волосах отражалось солнце. Он хотел дотронуться до них, вырвать шляпу у нее из рук и убежать, чтобы посмотреть, последует ли она за ним. Ему захотелось поиграть с ней.

Ян медленно ехал за девушкой; когда та обернулась, ее лицо залила краска и она отвела взгляд, как будто не ожидала увидеть его опять, и это все изменило. Девушка повернула голову, вновь взглянула на него, удивление в ее глазах уступило место медленной улыбке. Она едва заметно пожала плечами. Судьба. В конце концов сегодняшний день оказался тем самым днем. Именно для этого она оделась и теперь была рада. Под его пристальным взглядом девушка, казалось, не хотела идти. Он тоже не двигался. Просто сидел, в то время как она стояла на углу и смотрела в его сторону. Незнакомка оказалась не такой уж молоденькой, как он подумал сначала. Двадцать шесть?.. Двадцать семь? Но все еще свежей. Достаточно свежей после трех порций джина с тоником и не такой обильной еды.

Ее глаза пробежали по его лицу, цепляясь за детали, но осторожно. Затем она подошла поближе, и он увидел хорошо развитую грудь, резко контрастировавшую с подростковой худобой ее рук.

— Мы знакомы? — Девушка стояла, держа в руках шляпу, как вдруг она скрестила ноги, перенося тяжесть тела на одну из них, что заставило ее бедра качнуться вперед. Неожиданно брюки Яна стали ему тесны.

— Нет. Думаю, нет.

— Ты так пристально смотрел.

— Да... Извини. Мне... Мне понравилась твоя шляпка. Я заметил ее за ленчем.

Лицо девушки смягчилось, и он улыбнулся в ответ, впрочем, несколько разочарованный. Она была постарше Джесси, пожалуй, даже на год или два старше его. Издали знакомка казалась самым совершенством, но вблизи иллюзия исчезала, а в рыжей копне проглядывали черные корни волос. Но он-то разглядывал ее, совершенно верно.

— Извини. Тебя подвезти? — А почему бы и нет. Не может быть, чтобы ей было уж слишком не по пути. Вероятно, в офис за несколько кварталов отсюда.

— Да, конечно. Спасибо. Слишком жарко идти пешком.

Девушка опять улыбнулась. Она начала возиться с дверью, он помог ей, открыв изнутри. Она проскользнула на сиденье, предоставив его глазам возможность обозреть ложбинку на ее груди. Это-то у нее было настоящее.

— Тебе куда?

Она помедлила одно мгновение и произнесла:

— Угол Маркет и Десятой. Тебе не по пути?

— Нет. Нормально. Я не тороплюсь. — Но Яна удивил адрес. Это было странное место для работы и еще более худшее для жилья.

— У тебя выходной?

Она вопросительно посмотрела на него.

– Вроде того. Я работаю дома. – Обычно он не был таким несдержанным, но незнакомка вызывала в нем непонятное ощущение, заставляла его почувствовать себя обязанным поддерживать разговор. Она пользовалась крепкими духами, а юбка достаточно высоко поднялась на бедрах. Ян был голоден. Но он хотел Джесси. А их разделяло еще десять часов.

– Чем ты занимаешься?

В какой-то момент ему вдруг захотелось сказать, что он жиголо у собственной жены. Ян взвесил эту мысль, нахмурившись.

– Я – писатель. – Немногословный ответ.

– Тебе не нравится твоя работа?

– Очень нравится. Почему ты спросила? – Он был удивлен.

– Ну, то, как ты нахмурился. Ты такой привлекательный, когда улыбаешься.

– Спасибо.

– Не за что. У тебя такая замечательная машина. – Девушка оценивающе повела головой вокруг. Отлично скроенная летняя рубашка, туфли от Гуччи с открытыми носками. Она не была уверена, какой именно они фирмы, но подозревала, что дорогие.

– Что это? «Эм-Джи»?

– Нет. «Морган». – И он принадлежит моей жене. Слова застряли у него в горле. – А чем ты занимаешься?

– В настоящий момент я прислуживаю за столиками в «Кондоре», но мне захотелось посмотреть, как выглядит район днем. Вот почему я пришла сюда на ленч. Совершенно иная публика. В это время они гораздо трезвее, чем когда приходят к нам.

При всем желании «Кондор» не мог блеснуть изысканной клиентурой. Это было значное место, и Ян прикинул, что девушка, наверное, разносила заказы полуобнаженной. Она пожала плечами, и ее лицо осветила мягкая улыбка, которая вновь сделала ее почти что красивой, но где-то в уголках глаз притаилась грусть. Может быть, сожаление, неотступное и далекое. Раз-другой она странно взглянула на него, и Ян опять почувствовал себя неловко.

– Ты живешь на углу Маркет и Десятой? – произнес Ян, чтобы хоть что-то сказать.

– Да. В гостинице. А ты? – Каверзный вопрос. Что он мог ответить? Но она не торопила его. – Попробую угадать. Пэсифик-Хайтс? – Блеск исчез из ее глаз, и вопрос прозвучал колко и с укором.

– Почему ты так решила? – Ян попытался изобразить удивление и оскорбленную невинность, однако это не получилось. Он взглянул на нее, когда они остановились в рычащем водовороте на Монтгомери-стрит. Эта женщина могла быть чьей-то секретаршей или актрисой на эпизодических ролях. Она не казалась дешевой. Всего лишь усталой. И грустной.

– Приятель, да от тебя так и разит Пэсифик-Хайтс.

– Не позволяй аромату ввести себя в заблуждение. Как не все... что блестит. – Они облегченно засмеялись, и после того, как пробка на дороге рассосалась, Ян сосредоточился на педали газа. Он свернул на Маркет.

– Женат? – Он кивнул. – Плохо. С хорошими людьми всегда так.

– Это что-нибудь меняет? – Как глупо, но Ян больше шутил, чем интересовался всерьез, а джин с тоником брали свое.

– Иногда я увлекаюсь женатыми мужчинами, иногда – нет. Зависит от человека. Что касается тебя... Кто знает? Ты мне нравишься.

– Я польщен. Ты – привлекательная женщина. Как тебя зовут?

– Маргарет. Мэгги.

– Красивое имя. – Она опять улыбнулась. – Это здесь, Мэгги? – Единственная гостиница в округе и далеко не самая лучшая.

– Именно. Как приятен отчий дом. Красиво, не правда ли?

Дерзостью девушка попыталась скрыть свое смущение, и Ян почувствовал к ней жалость. Отель выглядел холодным и унылым.

– Не хочешь выпить?

По выражению ее глаз Ян понял, что она будет обижена, если он откажется. Все равно он был не в форме, чтобы снова сесть за работу. Тем более нужно было как-то убить девять с половиной часов, прежде чем ехать в аэропорт. Но Ян также знал, что может случиться, прими он ее предложение. Пустить все на самотек значило совершить подлость по отношению к Джесси в день, когда она возвращалась домой. Он держался три недели. Днем больше...

Но эта девушка выглядела такой покинутой, к тому же солнце и джин подтачивали его решимость. Ян знал, что не хочет возвращаться домой. Ничто там не принадлежало ему, не было его на самом деле, за исключением пяти ящиков с картотекой его писанины и новой печатной машинки «Оливетти», которую Джесси как-то подарила ему. Король альфонсов. Супруг Джесси.

– Конечно. У меня найдется время промочить горло. Пока ты сваришь кофе. Куда поставить машину?

– Полагаю, ты можешь оставить ее перед входом. Там не запрещено, оттуда они ее не отбуксируют.

Ян припарковал машину перед входом в гостиницу, а Мэгги внимательно изучала номерной знак с именем, его нетрудно было запомнить. Джесси. Она подумала, что именно так зовут ее нового знакомого.

Глава 2

Джессика услышала, как шасси с гудением выходят из брюха самолета, и улыбнулась. Ее ремень был на месте, лампочка над головой выключена, и она почувствовала, как забилося быстрее сердце в ту минуту, когда самолет совершил последний разворот над посадочной полосой. Внизу были видны огни города.

Джесси посмотрела на часы. Она слишком хорошо знала мужа. Сейчас он должен был нервно искать место, чтобы припарковать машину в подземном гараже аэропорта, содрогаюсь при мысли, что может опоздать и упустить ее на выходе с летного поля. Потом как угорелый помчится к терминалу. Однако доберется вовремя. Как всегда. Это придавало возвращением домой особый аромат.

Джесси казалось, что ее не было целый год. Поездка удалась. Она сделала массу интересных покупок. Весенняя коллекция будет чудесной. Мягкие пастельные тона, тонкие шерстяные трикотажные изделия, скроенные по косой, платья из шотландки, шелковые рубашки с длинными рукавами и несколько замечательных вещей из замши. Она никогда не могла устоять перед замшей. Заказанные товары начнут прибывать не раньше чем через три-четыре месяца, но она уже сейчас с волнением думала о них. Она помнила все. Ей нравилось планировать загодя, как сейчас. Нравилось точно знать, что привезут. Ее устраивала такая жизнь, распланированная на много месяцев вперед. Кто-то мог посчитать это скучным, но только не Джесси.

На октябрь она наметила поездку с Яном в Кармел. День благодарения они проведут с друзьями. Рождественские каникулы, может быть, проведут на озере Тахо, катаясь на лыжах, потом слетают ненадолго в Мексику, чтобы поваляться на солнышке после новогодних праздников. А там начнут прибывать и товары для весенней распродажи. Все было отлично продумано. Так же, как ее поездки, ее еда, ее гардероб. У нее было то, что позволяло ей строить планы: процветающий бизнес, муж, которого она любила и на которого всегда могла положиться, и надежные люди, окружающие ее. Очень немного оставалось на произвол судьбы, и ей это нравилось. Джесси спрашивала себя, не поэтому ли она не хотела ребенка. Боясь непредсказуемости его поведения. Она не представляла, как он будет выглядеть или вести себя, в какой именно день малыш может родиться или что она будет делать с ребенком на руках. Мысль о нем лишала ее присутствия духа. Ведь без него жизнь была гораздо проще. Только Джесси и Ян. Одни. Так у нее не было соперников, покушающихся на расположение Яна. Джесси не любила конкуренции в семейной жизни. Он был единственным дорогим человеком на земле.

Колеса коснулись полосы, она закрыла глаза... Ян... она так хотела его последние недели. Дни были заполнены работой, а вечерами приходилось готовиться к встречам, хотя она обычно звонила ему, когда приезжала в гостиницу. Но Джесси не могла протянуть руку и дотронуться до него. Она не могла засмеяться, глядя ему в глаза, или легко коснуться его ног, или стоять рядом с ним под душем, языком ловя капли, скатывающиеся по веснушкам на его спине. Она вытянула свои стройные ноги, ожидая, пока самолет окончательно не остановится.

Трудно быть терпеливой. Ей хотелось, чтобы путешествие скорей закончилось, хотелось выбежать из самолета и увидеть его. Прямо сейчас. В ее жизни не было других мужчин. Трудно в это поверить, но так все сложилось. Джесси иногда размышляла, сможет ли она думать о ком-то другом, но нет, это не стоило того. В ее глазах Ян был лучше всех остальных. Сексуальнее, умнее, добрее и преданнее. Ян так хорошо понимал, что ей нужно, и выполнял все ее прихоти. За семь лет, что они были женаты, она потеряла большую часть своих подруг по Нью-Йорку и не нашла им замены в Сан-Франциско. Ей не нужны подруги, которым

можно поплакаться в жилетку. У нее есть Ян. Он был ее лучшим другом, ее любовником и даже ее братом теперь, когда умер Джейк. Ну и что с того, если время от времени муж позволял себе увлечься какой-нибудь красоткой. Такое случалось не часто, и он проявлял благоразумие. Это не беспокоило Джесси. Многие мужчины поступали так же, когда их жен не было поблизости. Ян не афишировал свои интрижки и не раздражал ее. Она лишь подозревала, что он изменял ей, но не знала наверняка. Пока что ей не пришлось удостовериться в его неверности.

Ее родители тоже были счастливы в браке не один год. Наблюдая за ними, Джесси сама доходила до понимания многих вещей, о которых не принято говорить вслух, щадя чувства друг друга, и к которым стараются часто не прибегать. Хороший брак держался на доверии, промолчать иногда, позволяя другому быть самим собой, и означало уважение... любовь. Ее родители умерли. Их молодость уже прошла, когда она появилась на свет. Матери было далеко за тридцать, отцу – сорок пять. Когда ей исполнилось четыре года, родился Джейк. Поженившись в зрелом возрасте, родители уважали друг друга больше, чем многие пары, и не посягали на индивидуальность партнера. Это многому научило Джесси.

Но сейчас их не было в живых. Уже три года. Почти три. Родители умерли в течение нескольких месяцев один за другим. Джейк погиб за год до того во Вьетнаме, ему было двадцать с небольшим. Джессика осталась одна. Но у нее был Ян. Слава богу, что он с ней. У Джесси пошли мурашки по коже, когда она подумала об этом... Что она будет делать без него? Умрет от горя... как ее отец после смерти матери... Умрет... Она не представляла себе жизни без Яна. Сейчас он был для нее всем. Он мог обнять ее поздно ночью, когда ей было страшно. Он мог рассмешить ее в минуту грусти. Он помнил все важные даты, знал, что ей нравится, всегда понимал с полуслова, смеялся над самыми неудачными ее шутками. Он знал – она была его женщиной и его маленькой девочкой. Это было все, в чем Джесси нуждалась. Ян. Ну и что, если случались опрометчивые поступки, о которых она только догадывалась? Пока он был рядом, это не имело значения. И так было всегда.

Она услышала, как открылись двери. Люди начали скапливаться в проходах. Пятичасовой перелет остался позади, пора домой. Джесси расправила складки на бежевых брюках и потянулась за оранжевым жакетом из замши. Ее зеленые глаза выделялись на загорелом лице, а светлые густые волосы рассыпались по плечам. Яну нравилось, когда она была в оранжевом, поэтому она и купила этот жакет в Нью-Йорке. Джесси улыбнулась про себя, представив, как он его одобрит, – почти так же, как блейзер от Пьера Кардена, привезенный ею. Джесси было так приятно баловать Яна.

Три бизнесмена и шебечущая стайка женщин загородили проход. Она, однако, была достаточно высокой, чтобы поверх их голов увидеть Яна. Он стоял у ворот, она помахала ему. Ян ответил широкой улыбкой, махнув рукой в ответ, и поспешно двинулся к ней навстречу, мягко оттесняя людей. Наконец он очутился рядом и бесконечно долго обнимал ее.

– Пора бы тебе уже вернуться домой... Ты так потрясающе выглядишь, что должна быть счастлива, если я не изнасилую тебя прямо здесь.

– Давай. Насилуй. Если сможешь.

Они стояли на том же самом месте, с наслаждением разглядывая друг друга, разговаривая больше глазами.

– Джесси, если бы ты знала, как я по тебе скучал.

Она кивнула. Да, еще бы. Она почти так же скучала по нему.

– Как книга?

– Отлично.

Они обменивались теми банальными фразами, которые можно услышать от людей, знающих друг друга, пожалуй, даже слишком хорошо. Им не требовалось много слов.

Ян поднял ее большую сумку из коричневой кожи, которую она бросила, чтобы поцеловать его.

– Давай, искусительница, поедem домой.

Ее волосы упали ему на плечo, они так и вышли обнявшись, старательно идя в ногу размеренными шагами.

– Я привезла тебе подарок.

Он улыбнулся. Она всегда делала ему подарки.

– И себе купила, как я посмотрю. Отличный жакет.

– Тебе нравится? Или ужасный? Я боялась, что он слишком яркий. – Жакет имел оттенок жженого сахара, граничащего с цветом пламени.

– Прекрасно смотрится. Как и все остальное на тебе.

– Господи, как ты мил! Чем занимался? Разбил машину?

– Разве можно говорить такие вещи? Ответь, пожалуйста.

– Ну так как? – Джесси смеялась точно так же, как и он.

– Нет, я продал ее, чтобы купить мотоцикл «Хонда». Я почему-то подумал, что он тебе больше понравится.

– Замечательная мысль! Ну, милый. Я вся дрожу от нетерпения. Скажи мне, насколько плоха старушка?

– Плоха? Да будет тебе известно, что она не только в безукоризненном состоянии, но вымыта и находится в лучшем виде, чем когда ты уезжала. Бедная малютка была грязнулей!

– Знаю. – Джесси опустила голову, и он ухмыльнулся.

– Вы позорите мою репутацию, миссис Кларк, но я вас люблю. – Ян поцеловал ее в кончик носа, и Джесси обвила его шею руками.

– Как я рада снова быть дома, – тихо вздохнула она, стоя в его объятиях, пока они ждали, когда ее багаж появится на ленте транспортера. Ян увидел, с каким облегчением Джесси произнесла это. Она не любила уезжать, не любила летать, боялась смерти, опасалась того, что он погибнет в автокатастрофе, пока ее не будет. С тех самых пор, как ее родители и брат... сколько смертей. Яну было больно смотреть, что с ней сделало горе. Джесси так полностью и не оправилась после смерти брата, но потеря родителей... Ян боялся, что она может покончить с собой. Ужасы, истерики, ночные кошмары. Джесси порой одолевало непередаваемое чувство одиночества и страха. Временами он ее просто не узнавал. Неожиданно она становилась такой беспомощной, такой непохожей на привычную Джесси. Складывалось впечатление, что Джесси хочет, чтобы и он был зависим от нее... Это произошло, когда Ян дал жене уговорить себя бросить работу и посвятить все время литературному труду. Джесси могла позволить себе это. Но у Яна не было уверенности в том, что он может себе это позволить. Тем не менее такое положение вещей устраивало их обоих. Он на самом деле был для нее единственным близким человеком.

Джесси, подняв голову, опять взглянула на него и улыбнулась.

– Ну держись, когда я привезу тебя домой, миссис Кларк.

– Распутник.

– Угу. И тебе это нравится.

– Да. Нравится.

Люди обращали на них внимание, но они ничего не замечали. Они давали посторонним возможность полюбоваться собой, чему-то улыбнуться, чему-то порадоваться, чего-то захотеть. Как правило, их появление вызывало всеобщий интерес.

Они прошли в гараж, чтобы забрать «Морган», и Джесси не смогла сдержать улыбку, когда увидела автомобиль.

– Боже, выглядит здорово. Что ты с ним сделал?

– Отдал в мойку. Попробуй как-нибудь. Тебе понравится.

– Замолчи. – Джесси притворно замахнулась на мужа, он увернулся и перехватил ее руку. В эту минуту она рассмеялась.

– Прежде чем ты меня побьешь, амазонка, забирайся внутрь машины. – Ян слегка шлепнул ее и отпер дверь.

– Негодяй, не называй меня амазонкой. Приставала!

– Приставала? Я не ослышался? – Он притворился удивленным и подошел к ней. – Леди, как вы смеете так меня называть? – С этими словами он схватил ее и затолкал в машину.

– Вот так-то лучше. И позволь мне кое-что тебе заметить. С такими габаритами эта тачка не для тебя!

– Враки! – Но Ян знал, что жена пропускает мимо ушей шпильки по поводу ее роста. Им обоим нравились такие шутки.

– Кроме того, похоже, я расту вниз.

– Вот как? Уже дошла до шести футов одного дюйма, а? – Он фыркнул, закончив привязывать ее сумку на полке для багажа сзади. Верх машины был по-прежнему опущен, и Джесси с улыбкой наблюдала за ним.

– Убирайся к черту. Ты отлично знаешь, что во мне только пять футов одиннадцать дюймов, а на днях я измеряла свой рост, и во мне оказалось всего лишь пять футов и десять с половиной дюймов.

– Ты, должно быть, присела. – Он устроился на сиденье рядом с ней и повернулся, чтобы посмотреть ей в глаза. – Здравствуйте, миссис Кларк. Добро пожаловать домой.

– Здравствуй, любовь моя. Как хорошо вернуться назад. – Они улыбнулись друг другу. Она сняла жакет и закатала рукава блузки.

– Сегодня было жарко? Тепло чувствуется даже сейчас.

– Как в кипящем котле, ясно и солнечно. Если и завтра будет такая же погода, можешь позвонить в магазин и сказать, что ты попала в снегопад в Чикаго. Мы идем на пляж.

– Попала в снегопад. В сентябре? Ты с ума сошел. Послушай, дорогой, я правда не могу. – Но его предложение ей понравилось, и Ян это знал.

– Можешь-можешь. Если понадобится, я тебя похищу.

– Наверное, я смогу прийти туда попозже.

– Ты ухватила суть. – Ян одарил ее улыбкой триумфатора и нажал на газ.

– Как прошел день?

– На удивление хорошо. И было бы еще лучше, если бы ты была дома. Я набрался у Энрико и не знал куда себя деть.

– Не сомневаюсь, ты кого-нибудь подцепил. – В ее тоне не было злобы, а лицо сохраняло непроницаемое выражение.

– Не-е. Ничего особенного.

Глава 3

- Джесси, ты – самая лучшая женщина из всех, кого я знаю.
- Взаимно. – Она лежала на животе, улыбаясь ему, в воздухе витал запах их тел, волосы у обоих были взъерошены. Они недавно проснулись и в очередной раз занялись любовью.
- Это не может быть взаимно, глупышка. Я не красавец.
- Нет, ты – замечательный мужчина.
- А ты – восхитительно старомодна. Ты должна жить с писателем.
- Джесси опять улыбнулась, и он нежно провел пальцем по ее спине.
- Дорогой, если ты будешь продолжать в том же духе, у тебя будут неприятности. – Она затаилась сигаретой, которую они вместе курили, и выпустила дым над его головой, прежде чем сесть, чтобы вновь поцеловать Яна.
- Джесси, когда мы идем на пляж?
- А кто сказал, что мы идем на пляж? Боже мой, дорогой. Мне надо наведаться в свой магазин. Я не была в нем целых три недели.
- Подумаешь, будет днем больше. Ты же сказала, что пойдешь сегодня со мной на пляж. – Ян был похож на надувшегося ребенка.
- Нет.
- А по-моему, да. Ну почти да. Я сказал, что похищу тебя, и кому-то, кажется, понравилась эта мысль. – Джесси засмеялась, проведя рукой по его волосам. Ян был невозможен. Большой ребенок. Но такой хороший. Она никогда не могла возразить ему.
- Знаешь что?
- Что? – Ян остался доволен, когда опустил взгляд на ее лицо. Утром она была красивой.
- Ты невыносим, вот что. Мне нужно работать. Как я могу пойти на пляж?
- Очень просто. Позвони девочкам и скажи, что ты появишься там завтра. И мы – свободны. Легче не бывает. Не упускать же такой денек.
- Может быть, лучше потратить его с большей пользой? Заработать на жизнь, к примеру. – Такие доводы были ему не по душе. В них крылся намек на то, что он не вносил свою лепту в семейный бюджет. – Как насчет того, чтобы я поехала утром и вернулась пораньше?
- Хорошо, возвращайся, как только опустится туман. Джессика, ты прямо горишь на работе. – Но она, обнаженная, уже направилась на кухню, чтобы сварить кофе, и ответила на ходу:
- Обещаю, что уйду из магазина в час. Устраивает?
- Лучше, чем ничего. Боже, как ты нравишься мне со спины. Ты сбросила вес.
- Джесси улыбнулась и послала мужу воздушный поцелуй.
- В час, обещаю. И мы сможем там пообедать.
- Значит ли это то, что я подумал? – Ян опять улыбался, и она кивнула.
- Тогда я заеду за тобой в двенадцать тридцать.

«Леди Джей» разместился на первом этаже ухоженного старого особняка чуть в стороне от Юнион-стрит. Здание было покрашено в желтый цвет, а витрины отделаны белым. Название выгравировали на небольшой медной табличке, прикрепленной к двери. Джесси распорядилась, чтобы сделали широкое венецианское окно. Дважды в месяц она сама выставляла новые товары в витрине, делая это просто и эффектно.

Она остановила «Морган» у входа и подняла глаза, чтобы посмотреть, какие изменения произошли в витринах за время ее отсутствия. Коричневая юбка из твида, рубашка цвета верблюжьей шерсти, янтарные бусы, вязаная шляпка с отделкой и маленький рыжеватый

жакет, повешенный на спинку стула из зеленого бархата. Все это выглядело чертовски привлекательно, а самое главное – удачный выбор для осени. Не для бабьего лета. Но это не так важно. Никто не покупал для бабьего лета, вещи приобретались на осень.

В то время, пока она брала дипломат из машины и шла к двери, перед ее мысленным взором промелькнули туалеты, которые она заказала в Нью-Йорке. Дверь была открыта: девочки знали, что она будет рано.

– Посмотри, кто пришел! Зина! Джесси вернулась! – Миниатюрная девушка восточного типа с хрупкими чертами лица хлопнула в ладоши, вскочила на ноги и с восторгом подбежала к Джесси. – Потрясающе выглядишь!

Длинноногая и светловолосая Джесси была полной противоположностью изящной японки. Ее блестящие черные волосы были модно подстрижены.

– Кэт! Ты обрезала волосы! – Джесси на какое-то мгновение потеряла дар речи. Еще месяц назад волосы японки доходили до талии, когда она не укладывала их тугим узлом на затылке. Девушку звали Катсуко, что означает «мир».

– Мне надоело с ними возиться. А как тебе это нравится? – Улыбаясь, она сделала пируэт на одной ноге, волосы закружились вслед за ней. Катсуко пришла в черном, она предпочитала этот цвет, подчеркивавший легкость ее фигуры. Именно кошачья грация девушки послужила поводом для такого прозвища.

– Мне нравится. Шикарно. – Они улыбнулись друг другу, но тут их прервал радостный возглас.

– Боже милостивый! Ты – дома! – Это была Зина. Чувственная полногрудая южанка с золотисто-каштановыми волосами, которые танцевали вокруг головы венцом мелких кудряшек, и карими глазами. Ноги у нее были потрясающе сексуальные. Мужчины таяли, когда она шла, а ей нравилось их дразнить.

– Ты заметила, что Кэт сделала со своими волосами? – Она так произнесла слово «волосы», как будто это было что-то незыблемо-вечное. – Я бы год ревела, – улыбнулась она. Каждое свое слово Зина превращала в ласку. – Как Нью-Йорк?

– Бесподобный, замечательный, ужасный, отвратительный и жаркий. Приятно и с пользой провела время. Подождите-ка, пока не увидите, что я купила.

– А какие цвета? – Для девушки, которая почти всегда носила только белое или черное, у Кэт было редкое чутье на яркие цвета. Она умела со вкусом подбирать их, знала, какие купить, как сделать так, чтобы они подчеркивали друг друга. В общем, все, кроме того, как их носить.

– Вся коллекция в пастельных тонах. Такая красота, вы умрете. – Джессика с важным видом прошла по толстому бежевому ковру. Прекрасно снова вернуться в свои владения. – Кто оформлял витрину? Выглядит потрясающе.

– Зина. – Кэт ловко подтолкнула подругу вперед для похвалы. – Разве не удачная находка с зеленым стулом?

– Здорово придумано. За время моего отсутствия, похоже, ничего не изменилось. Вы двое так же неразлучны, как сиамские близнецы. А как наши доходы?

Джесси устроилась в своем любимом бежевом кожаном кресле, очень глубоком. Мужчины обычно выбирали его, когда им приходилось ждать.

– Мы заработали кучу денег. За первые две недели, во всяком случае. На этой наступило затишье, погода была слишком хорошая, – ответила Кэт скороговоркой. Замечание о погоде напомнило Джесси о том, что у нее только четыре часа на работу, потом за ней заедет Ян, и они отправятся на пляж.

Зина передала ей чашку черного кофе, а Джессика тем временем оглядывалась вокруг. То, что она увидела, представляло собой осенний ассортимент товаров, которые были приобретены пять месяцев назад, в основном в Европе. Бежевые и коричневые изделия из шерсти

неплохо смотрелись на фоне изысканного интерьера магазина. По углам двух зеркальных стен располагались настоящие джунгли. Искусно освещенная зелень свисала и с потолка.

– Как расходятся вещи из Дании? – Датчане очень увлекались красным: юбки, свитера, три разных вида блейзеров и замечательное пальто темно-вишневого цвета с запахом, в котором женщина чувствовала себя такой же экзотичной и сексуальной, как в манто из натурального меха. Изумительное пальто. Одно Джесси уже заказала для себя.

– Они раскупаются прекрасно. – Это вмешалась Зина со своей тягучей нью-орлеанской речью.

– Как Ян? Мы не видели его несколько недель. – Он появился один раз, на следующий день после отъезда Джесси, чтобы получить деньги по чеку.

– Работает над новой книгой. – Зина тепло улыбнулась и кивнула. Он был ей симпатичен. Чего нельзя было сказать о Кэт. Она помогала вести бухгалтерские книги и поэтому знала, сколько он тратил из того, что зарабатывала Джессика. Что касается Зины, то она работала в бутике дольше Катсуко, знала Яна лучше и ценила его по достоинству. Кэт по сравнению с ней считалась новичком, и в ее сердце еще не растаял ледок Нью-Йорка. Когда-то она работала в отделе спортивной одежды крупного универмага, пока не устала от постоянного прессинга и решила переехать в Сан-Франциско. Она получила работу в «Леди Джей» буквально в течение недели после приезда и была счастлива, как, впрочем, и Джесси, которая в ее лице приобрела опытную сотрудницу.

Три женщины провели полчаса, весело болтая за кофе, пока Катсуко показывала Джесси вырезки из газет, где упоминался бутик. У них появились две новые покупательницы, которые чуть не купили всю осеннюю коллекцию. Джесси поделилась своими планами. Она хотела организовать показ мод до отъезда в Кармел в октябре. Широкое поле деятельности для фантазии Кэт.

С появлением Джесси жизнь в бутике забурлила еще сильнее, вместе они составляли могучий триумвират. Каждая из женщин обладала своими достоинствами и талантами. Магазин не замирал во время отсутствия хозяйки. Она не могла допустить такого и, конечно, не потерпела бы подобного разгильдяйства от своих служащих. Обе девушки прекрасно знали это и дорожили своей работой. Джесси хорошо им платила, они приобретали модную одежду по смехотворно низким ценам, а кроме того, у них установились дружеские взаимоотношения, что являлось редкостью. В Нью-Йорке Кэт пришлось сменить три места службы. А Зина с трудом отделялась от озабоченных мужчин, хотевших, чтобы она для них печатала, стенографировала и спала с ними, впрочем, не обязательно в такой последовательности. Джессика надеялась, что девушкам окажется по силам длинный рабочий день и нелегкий труд, не жалела и себя. Она не сомневалась в успехе своего начинания и рассчитывала, что Кэт и Зина будут помогать ей в этом. Джесси наполняла новой жизнью каждое время года, что определенно нравилось покупателям. Положение «Леди Джей» было прочным, как скала. Таким же, как и сама Джессика и окружающие ее.

– Ну а теперь я, пожалуй, просмотрю почту. С этим все в порядке?

– Никаких проблем. Зина ответила даже на самые дурацкие послания. Две женщины, приехавшие сюда, интересовались, есть ли по-прежнему в продаже маленькие желтые свитера с воротником «хомут». Все в таком роде...

– Зина, ты прелесть.

– К вашим услугам. – Она сделала глубокий реверанс, и ярко-зеленая блузка без рукавов, которую она надела с белыми брюками, качнулась под тяжестью ее груди.

Джесси задумчиво поднялась на три ступеньки, направляясь в свой кабинет, и огляделась. Все радовало глаз, почта была рассортирована и аккуратно разложена, счета оплачены. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что дела в полном порядке. Теперь ей

оставалось только просмотреть письма. Но не успела Джесси дочитать одно письмо, когда на пороге появилась озадаченная Зина.

– Джесси, там какой-то мужчина хочет тебя видеть. Говорит – срочно.

– Хочет видеть меня? А что ему нужно?

– Он не сообщил. Но попросил меня передать вот эту визитку. – Зина протянула маленький прямоугольник из твердой белой бумаги, и Джесси взглянула ей в глаза.

– Что-то случилось?

Зина недоуменно пожала плечами, и Джесси прочитала имя: «Уильям Хоугтон. Инспектор. Полиция Сан-Франциско». Ничего не понимая, она посмотрела на Зину, надеясь получить от той хоть какое-то объяснение.

– Что-нибудь произошло, пока меня не было? Нас обокрали? – Боже мой, как это на них похоже: не беспокоить ее дурными вестями с порога, а отложить их на потом и рассказать через час или два!

– Нет, Джесси. Честно. Ничего не случилось. Понятия не имею, в чем дело. – Голос Зины звучал по-детски в те минуты, когда она волновалась.

– И я не знаю. Пригласи его сюда. Я поговорю с ним.

Уильям Хоугтон появился, с явным интересом следуя за Зиной и не сводя голодных глаз с ее аппетитной фигуры.

– Инспектор Хоугтон?

Джесси выпрямилась в полный рост, и Хоугтон, похоже, обратил на нее внимание. Эта троица представляла собой волнующее зрелище; Катуко тоже не обошел его пристальный взгляд.

– Я – Джессика Кларк.

– Я хотел бы поговорить с вами наедине, если это возможно.

– Хорошо. Не желаете чашечку кофе? – Дверь за Зиной закрылась. Инспектор отрицательно покачал головой. Она указала ему на стул возле своего стола и снова опустилась в кресло.

– Чем могу быть вам полезна, инспектор? Мисс Нельсон сказала, что у вас ко мне срочное дело.

– Да. Именно. Это ваш «Морган» стоит на улице?

Джесси кивнула, чувствуя себя неловко под его пристальным изучающим взглядом. Она недоумевала: неужели Ян опять забыл оплатить штрафы за нарушение правил уличного движения? Однажды ей уже пришлось вытаскивать его из-за решетки, заплатив круглую сумму в двести долларов. В Сан-Франциско не бросали слов на ветер. Платите штраф или отправляйтесь в тюрьму. Не проезжайте на красный свет – и не расстанетесь с двумя сотнями.

– Да, это моя машина. – Джессика любезно улыбнулась, надеясь, что ее руки не трясутся, пока она прикуривала новую сигарету. Абсурд. Она не сделала ничего противозаконного, но что-то такое в этом человеке, в самом слове «полиция», вызывало чувство неизбежной вины. Панику. Ужас.

– Вы были за рулем вчера?

– Нет. Я уезжала по делам в Нью-Йорк. Прилетела прошлой ночью. – Она отвечала, словно оправдываясь. Сумасшествие какое-то. Если бы только рядом был Ян. Ему лучше удавалось справляться с неурядицами.

– Кто еще водит вашу машину?

– Мой муж. – Что-то опустилось у нее в груди, когда она упомянула Яна.

– Он был вчера за рулем? – Инспектор Хоугтон прикурил сигарету и оценивающе оглядел ее с ног до головы.

– Я не знаю наверняка. У него есть собственная машина, но встречал он меня в аэропорту на моей. Я могу позвонить ему и спросить.

Хоугтон кивнул, и Джессика помедлила.

– Кто еще пользуется машиной? Брат? Друг? Приятель? – Его глаза так и впились в ее лицо на последнем слове, и она почувствовала гнев.

– Я замужняя женщина, инспектор. Никто больше не водит мою машину. Только мой муж и я. – Она выиграла очко, но что-то в его лице говорило ей, что до победы было еще далеко.

– Машина зарегистрирована по месту работы? У вас коммерческие номера, и местом регистрации является этот магазин! – «Магазин»! Бутик, а не магазин! – Как я понимаю, вы им владеете.

– Совершенно верно. Инспектор, а в чем дело? – Джессика медленно выдохнула воздух и наблюдала за дымом, ее рука слегка подрагивала. Что-то не так.

– Я бы хотел поговорить с вашим мужем. Не могли бы вы дать мне адрес его офиса? – Хоугтон мгновенно вынул ручку и ждал, нацелив ее на оборот одной из своих визиток.

– Это по поводу квитанции за нарушение правил парковки? Я хорошо знаю моего мужа... Он... он забывчивый. – Она улыбнулась Хоугтону, но это не произвело на него никакого действия.

– Нет, это не по поводу парковки. Рабочий адрес вашего мужа? – Его глаза превратились в две льдинки.

– Он работает дома. Это в шести кварталах отсюда. На Вaleyо. – Джесси хотела предложить проводить его, но не посмела. Она черкнула адрес на одной из своих визитных карточек и передала инспектору.

– Спасибо. Буду поддерживать с вами связь.

– Но в чем дело, черт возьми? – Она хотела знать.

Но он уже встал и направился к двери.

– Инспектор, я буду вам благодарна, если вы объясните мне, в чем дело. Я...

Он снова странно посмотрел на нее тем пронизывающим взглядом, который задавал вопросы, но не отвечал на них.

– Миссис Кларк, я не вполне уверен. Когда мои подозрения рассеются, я вам сообщу.

– Спасибо. – «Спасибо?» Спасибо за что?

Но Хоугтон уже ушел, и когда она спустилась в торговый зал магазина, то увидела, как он сел в седан оливкового цвета и умчался. За рулем был другой мужчина. Эти люди работали парами. Антенна автомобиля резко изогнулась, когда седан сорвался с места в направлении Вaleyо.

– В чем дело? – Лицо Катуку было серьезным, а Зина выглядела расстроенной.

– Я тоже хотела бы знать, черт возьми. Он только спросил, кто водит машину, а потом добавил, что хочет поговорить с Яном. Черт бы их всех побрал, бьюсь об заклад, он опять не платил штрафы за парковку. Однако здесь что-то не то, да и Хоугтон сказал, что дело в другом – или в этом? О господи, прекрасное возвращение домой!

Джесси вернулась в кабинет и набрала домашний номер. Линия была занята. А затем в бутик вплыла Триш Барклай, и Джесси пришлось заниматься такой чепухой, как меховой жакет в витрине, который она хотела купить. Триш была одной из ее лучших покупательниц, и Джесси пришлось повозиться с ней какое-то время. Она освободилась только через двадцать пять минут. Теперь на ее звонок никто не отвечал.

Невероятно! Ян должен быть там. Он был дома, когда она уезжала в бутик. И линия была занята, когда она звонила... Господи, неужели что-то серьезное? Может, он попал в аварию и не сказал ей. Может быть, кто-то пострадал. Но ведь Ян не стал бы скрывать это

от нее. Гудки шли один за другим. Телефон звонил беспрерывно, но на том конце не брали трубку. Возможно, он уже выехал. Было начало двенадцатого.

Но тут Нику Мориссу понадобилось «что-нибудь впечатляющее» на день рождения его жены. Он совершенно забыл об этом, и теперь до полудня ему нужно было купить вещей по крайней мере на четыреста долларов. Джессика ругала себя последними словами, но не могла не помочь ему. Ей был симпатичен Ник, и до того, как он ушел из магазина, доверху нагруженный сверкающими желтыми и коричневыми коробками, в дверях появилась Барбара Фуллер, а за ней Холли Дженкинс, а потом... потом был уже полдень. А от Яна никаких известий. Она попробовала позвонить ему еще раз и, не получив ответа, начала паниковать. В это время он уже должен был быть здесь. Он обещал забрать ее в половине первого.

В час он так и не появился, и Джессика была готова расплакаться. Ужасное утро. Посетители, напряжение, доставка товаров, проблемы. Вот так возвращение домой. И где же Ян? А этот негодяй Хоугтон прямо-таки довел ее своими таинственными вопросами о машине. Она закрылась в кабинете, когда Зина ушла на ленч. Ей требовалось некоторое время побыть одной, чтобы собраться с мыслями, перевести дух, чтобы набраться смелости сделать то, чего она не хотела делать. Но ей необходимо все выяснить. В конце концов, это не так уж трудно. Надо только набрать номер, спросить, не задержан ли Ян Пауэрс Кларк, и вздохнуть с облегчением, услышав отрицательный ответ. Или схватить чековую книжку и сломя голову бежать туда, если его опять загребли за нарушение правил парковки. Дело привычное. Но прежде чем она набралась мужества поднять трубку, ей пришлось выпить еще одну чашку кофе и выкурить сигарету.

Справочная дала номер городской тюрьмы. Что за бред! Она чувствовала себя в дурацком положении и ухмыльнулась, думая о том, что скажет Ян, войдя в тот момент, когда она будет звонить в тюрьму. Да он же неделю будет над ней издеваться.

В ухо рявкнул голос:

– Городская тюрьма. Палмер у аппарата.

Господи, что теперь? Ладно, раз позвонила, надо спрашивать.

– Я... Я хотела бы узнать, нет ли у вас там мистера Яна Кларка, Яна Пауэрса Кларка, сержант. За нарушения правил парковки.

– Произнесите по буквам! – Дежурный сержант не был удивлен. Нарушение правил – дело серьезное.

– Кларк. Ян. Я-Н К-Л-А-Р-К. – Она сделала глубокую затяжку, пока ждала. Катсуко просунула голову в дверь, интересуясь насчет ленча. Джессика яростно замотала головой и глазами показала закрыть дверь. Нервы стали сдавать еще несколько часов назад, с приездом инспектора Хоугтона.

После невыносимой паузы голос в телефонной трубке ответил:

– Кларк. Да. Он у нас.

Молодец – нечего сказать. Джессика перевела дух. Это было неприятно, но не конец света. По крайней мере, сейчас она знала, где он, и могла вытащить его за каких-нибудь полчаса. Ей стало любопытно, сколько же квитанций он не оплатил на этот раз. Но уж теперь-то ему придется выслушать все, что она о нем думает. Как он ее напугал. Вероятно, Хоугтон этого и добивался, не признаваясь, что дело было в нарушении правил парковки. Ублюдок.

– Попал к нам час назад. С ним сейчас разговаривают.

– За неправильную парковку? – Как глупо. Дальше некуда.

– Нет, леди. Не за парковку. Три случая изнасилования и обвинение в нападении с той же целью.

Джесси казалось, что на нее опускается потолок, а стены сжимаются, чтобы лишить ее возможности дышать.

– Что?

– Три случая изнасилования и обвинение в нападении.

– Бог ты мой! С ним можно поговорить? – Ее так трясло, что пришлось взяться за трубку сразу двумя руками. Она почувствовала, как завтрак подкатывает к горлу.

– Нет. Он может поговорить только со своим адвокатом, а вы встретитесь с ним завтра. Между одиннадцатью и двумя. Сумму залога еще не установили. Обвинение будет предъявлено в четверг. – Сержант повесил трубку. Она с бессмысленным выражением глаз по-прежнему держала трубку в руках, а слезы текли по ее щекам. В этот момент дверь открылась, и показалась Катсуко, протянувшая ей сэндвич. Девушка сразу же оценила ситуацию.

– Боже мой. Что произошло? – Она остановилась на полпути и уставилась на потрясенную Джессику. Та никогда не теряла самообладания, никогда не плакала, никогда не проявляла нерешительности, никогда не... По крайней мере, они никогда не видели ее такой в магазине.

– Я не знаю, что случилось. Но произошла невероятная, ужасная, нелепая ошибка!

Джессика перешла на крик и, схватив принесенный Кэт сэндвич, запустила его в противоположную стену. Три случая изнасилования. И одно нападение. Что, черт возьми, происходит?

Глава 4

– Джесси, ты куда?

Она пролетела к двери мимо возвращавшейся с ленча Зины.

– Считайте, что я еще не вернулась из Нью-Йорка. Я отправляюсь домой. Мне не звоните. – Она рывком открыла дверь машины и нырнула внутрь.

– Ты заболела? – успела крикнуть Зина, но Джессика только помотала головой; включив зажигание и выжав педаль газа, она была уже далеко.

Сраженная Зина вошла в бутик, Катсуко не могла сообщить ей ничего определенного. Джесси была расстроена, но Кэт не знала причины. Это имело какое-то отношение к визиту полицейского сегодняшним утром. Девушки были встревожены, но она запретила звонить ей домой, а днем в магазине было полно работы, и у них не оставалось времени на разговоры. Катсуко прикинула, что это как-то было связано с Яном. Зина пребывала в полном неведении.

Добравшись домой, Джессика одной рукой схватила телефон, а другой – записную книжку. На столе осталась полупустая чашка кофе. Ян только сел за завтрак, когда его схватили, и какие-то детали подсказали ей, что именно Хоугтон взял на себя эту миссию. Интересно, видели ли соседи. Стопка страниц новой книги лежала рядом с кофейной чашкой. Никакой записки или послания. Должно быть, он был потрясен до глубины души. Очевидно, обвинение показалось абсурдным и ему. Ведь арестовали не того человека. Через несколько часов кошмар закончится, и он будет дома. К Джессике вернулась способность рассуждать здраво. Теперь ей нужен был только защитник. Она просто не позволит себе паниковать. Записная книжка выдала требуемое имя и номер телефона. Джесси повезло, он был свободен и не на ленче, как она опасалась. Он был тем самым человеком, которого уважали и она, и Ян, адвокат с хорошей репутацией, старший компаньон в своей фирме. Филип Уолд.

– Но, Джессика, я не занимаюсь уголовными делами.

– Какая разница?

– Боюсь, большая. Вам нужен хороший защитник по уголовным делам.

– Но он не делал этого. Нам нужен кто-то, чтобы разобраться во всей путанице и вытащить его оттуда.

– Ты говорила с ним?

– Нет, мне не разрешили. Послушай, Филип, ну пожалуйста. Зайди к ним и переговори. Побеседуй с Яном. Все это – полный абсурд.

На другом конце провода молчали.

– Что ж, это в моих силах. Но я не могу взять дело. Это было бы нечестно по отношению к вам обоим.

– Какое дело? Его всего лишь неправильно опознали.

– А ты знаешь, на чем строится обвинение?

– Что-то связанное с моей машиной.

– Они установили номер?

– Да.

– Ну, тогда они могли спутать цифры или буквы. – Она не произнесла ни слова, но трудно было спутать буквы в слове «Джесси» и выйти не на то имя. Это единственное, что беспокоило ее. Зацепка за машину.

– Вот что я тебе скажу. Я поеду и встречу с ним, разузнаю, в чем дело, и также дам тебе несколько адресов адвокатов по уголовным делам. Потом я им позвоню и сообщу все, что смогу узнать. Объясню, что это я посоветовал тебе обратиться к ним.

Джесси глубоко вздохнула:

– Спасибо, Филип. Это мне поможет.

Он продиктовал ей имена и пообещал заскочить, как только встретится с Яном. А она, отпив глоток остывшего кофе мужа, принялась звонить друзьям Филипа – специалистам по уголовным делам. Звонки были неутешительными.

Первого не было в городе, второй выступал в суде всю следующую неделю и не мог взяться за новое дело, третий был слишком занят, чтобы разговаривать с ней, четвертого не было на месте, пятый же соизволил уделить ей какое-то время. Джесси не понравился его голос.

– У него уже есть судимости?

– Нет. Конечно, нет. Только нарушения правил парковки.

– Наркотики? Были какие-нибудь проблемы с наркотиками?

– Никаких.

– Он пьет?

– Нет. Только вино по праздникам. – Господи, он уже уверен, что Ян виновен. Это чувствуется.

– Знал он эту женщину раньше... мм... Был он до этого с ней знаком?

– Я ничего не знаю о женщине и считаю, что все это ошибка.

– Почему вы так думаете?

Ублюдок. Джесси уже ненавидела его.

– Я знаю моего мужа.

– Она опознала его?

– Я не в курсе. Мистер Уолд все вам передаст, когда вернется после встречи с Яном.

В тюрьме... О господи... Ян был в тюрьме, а этот чертов адвокатишка задавал ей дурацкие вопросы о том, знал ли он женщину, которая обвиняла его в изнасиловании, или нет. Кого это интересует? Джесси хотела только одного – чтобы муж вернулся домой. Сейчас. Неужели никто ее не понимает? Ей стало трудно дышать, когда она попыталась унять волнение в голосе и скрыть растущую панику.

– Так вот что я вам скажу, юная леди. У вас и вашего мужа серьезные проблемы. Однако это дело меня заинтересовало. – «О бог ты мой». – И я согласен взяться за него. Но есть еще один вопрос. О моем гонораре. Он оплачивается вперед.

– Вперед? – Джесси была потрясена.

– Да. Вы узнаете, что большинство, если не все мои коллеги, поступают точно так же. Мне на самом деле нужно подготовиться к ведению дела, потому что если я хоть раз покажусь в Верховном суде, выступая защитником вашего мужа, я буду считаться его официальным адвокатом и, следовательно, обязан буду вести это дело, заплатите вы или нет. А если ваш муж отправится в тюрьму, то вы можете и не заплатить. У вас есть какие-нибудь сбережения?

Ян отправится в тюрьму? Ах ты сволочь!

– Да, у нас есть средства. – Она едва могла разжать зубы.

– Какого рода авуары?

– Могу вас заверить, что я в состоянии оплатить ваш гонорар.

– Отлично, но я хочу быть уверен. Мой гонорар составит пятнадцать тысяч долларов.

– Что? Вперед?

– И я бы хотел получить половину суммы до предъявления обвинения. Если я не ошибаюсь, вы сказали, что это произойдет в четверг. А половину сразу же после.

– Но я не смогу обратиться к авуарам в наличность за два дня.

– В таком случае я не смогу взяться за ваше дело.

– Благодарю вас. – Джесси хотела послать его ко всем чертям, но к тому моменту она уже опять начала паниковать. Ну кто ей поможет? Шестой адвокат, рекомендованный Филипом, оказался более приятным человеком. Его звали Мартин Шварц.

– Похоже, у вас или, по крайней мере, у вашего мужа чертовски серьезные проблемы. Как вы считаете, он виновен?

Интересный вопрос. Джессика колебалась только мгновение. Требовалось дать взвешенный ответ.

– Нет. И не потому, что я его жена. Я не верю, что он мог совершить нечто подобное. Это не похоже на него, и нет совершенно никаких причин.

– Хорошо, я возьмусь за ваше дело. Однако должен заметить, миссис Кларк, люди иногда совершают странные вещи. Будьте готовы к этому. У вашего мужа могут оказаться такие наклонности, о которых вы и не подозревали.

Возможно. Но она этому не верила. Не могла поверить.

– Я бы хотел поговорить с Филипом Уолдом после того, как он встретится с вашим мужем, – продолжал Шварц.

– Была бы вам очень признательна за это. Предъявление обвинения назначено на четверг. К тому времени нам нужен официальный защитник. Филип считает, что он не годится для этого дела.

Дело... дело... дело... Она уже ненавидела это слово.

– Филип – отличный парень.

– Я знаю, мистер Шварц... Мне бы не хотелось упоминать об этом, но...

– Мой гонорар?

– Да, ваш гонорар. – Джесси глубоко вздохнула и почувствовала, как тугой комок сжимается у нее в груди.

– Мы можем это обсудить. Я попытаюсь оставаться в разумных пределах.

– Скажу вам честно, человек, с которым я разговаривала до вас, запросил пятнадцать тысяч к четвергу. Это мне не под силу.

– У вас есть какие-нибудь авуары? – О господи. Опять то же самое.

– Да, есть. – Неожиданно ее тон стал негодующим. – У меня свое дело, дом, машина. У мужа тоже машина. Но мы не можем продать дом или мой бизнес за два дня.

– Я и не ожидал, что вы оплатите весь гонорар сразу, миссис Кларк. – Шварц говорил спокойно, но твердо. Что-то в нем успокаивало Джессику. – Но я подумал о том, что вам могут понадобиться дополнительные средства для выплаты залога, если они наскребут что-нибудь для обвинения, что еще бабушка надвое сказала. Сумма залога может оказаться весьма внушительной. Ну над этим мы будем голову ломать позже. Что касается моего гонорара, думаю, двух тысяч долларов, внесенных до суда, будет достаточно. Но это не протянется и двух месяцев, и если вы – друг Филипа, то я бы не волновался.

Ее поразило то, что люди, которые не относились к «друзьям Филипа», жили в мире, полном проблем. Неожиданно Джесси почувствовала прилив благодарности к Филипу.

– Вас это устраивает?

Она молча кивнула с некоторым облегчением. Конечно, эти условия более приемлемы, чем те, которые ей сообщили несколько минут назад. Это полностью съест ее сбережения, но по крайней мере две тысячи долларов она была в состоянии достать. Об остальных пяти они будут думать позже, в том случае, если до этого дойдет дело. Если придется, она не раздумывая продаст «Морган». Речь шла о жизни Яна, а он был нужен ей в миллион раз больше, чем автомобиль. Имелись еще мамины драгоценности. Но это было святое. Даже для Яна.

– Я согласна на ваши условия.

– Отлично. Когда мы сможем встретиться?

– Когда угодно.

– Тогда я хотел бы увидеться с вами завтра в моем офисе. Я поговорю с Уолдом сегодня днем, а утром навещу мистера Кларка. Вы сможете приехать к десяти тридцати?

– Да.

– Хорошо. Я возьму полицейские рапорты и посмотрю, что у них есть против него. Идет?

– Замечательно. Знаете, у меня как камень с души свалился. Признаюсь, я была в панике. Это все не для меня. Полиция, залог, пункты обвинения... Не пойму, что происходит. Не знаю даже, что, черт побери, уже произошло.

– Ну, это мы и собираемся выяснить. Так что пока отдыхайте.

– Спасибо, мистер Шварц. Очень вам благодарна.

– Увидимся утром. – Разговор окончился. Джессика неожиданно опять разрыдалась. По словам Филипа Уолда, нужен грамотный адвокат. Какой ужасный день ей пришлось пережить. Господи, где Ян? Слезы вновь прочертили горячую дорожку по ее щекам. Ощущение было такое, будто они текли беспрестанно весь день. Ей нужно было привести себя в порядок. Скоро здесь будет Уолд.

Филип Уолд приехал в половине шестого. На его лице застыло выражение глубокой озабоченности, глаза выглядели уставшими.

– Вы видели его?

Джесси почувствовала, как слезы опять подступают к глазам, и изо всех сил старалась не расплакаться.

– Да.

– Как он?

– В порядке. Потрясен, но держится неплохо. Очень беспокоился о вас.

– Вы успокоили его? – Руки ее опять затряслись, а кофе, который она пила весь день, только усугублял положение.

– Я сказал ему, что вы расстроены, что вполне естественно в таких обстоятельствах. Джессика, давайте присядем.

Ей не понравилось то, как он это произнес, но, может быть, Филип всего-навсего устал. Им выпал долгий день. Бесконечно долгий.

– Я разговаривала с Мартином Шварцем. Думаю, он возьмет дело. Он собирался позвонить вам сегодня.

– Хорошо. Думаю, вам обоим он понравится. Мартин – хороший защитник и отличный человек.

Джессика проводила Филипа в гостиную, где он сел на длинный белый диван, с которого открывался прекрасный вид. Она же устроилась на мягкий стул, обтянутый бежевой замшей, рядом со старым, отделанным медью столом, которым они с Яном обзавелись во время медового месяца в Италии. Она набрала полную грудь воздуха и, глубоко вздохнув, вытянула ноги. Теплая, приятная комната, которая всегда приносила успокоение в ее душу. Но только не сейчас. В этот момент она чувствовала себя так, как будто прошли годы с тех пор, как ее ласкали руки Яна... Ей казалось, что прежняя жизнь уже никогда не вернется в этот дом.

Машинально ее взгляд упал на висевший над камином небольшой портрет мужа, сделанный несколько лет назад. С него ей нежно улыбался Ян. Сердце у Джессики заныло. Где он?

– Джессика? – Она сидела с отсутствующим выражением лица. Филип заметил, как она пристально посмотрела на портрет мужа и стала вдруг похожа на вдову в трауре. Какая у него отвратительная профессия. Он бросил взгляд в окно на открывающийся вид, давая ей возможность успокоиться. Однако Джесси полностью владела собой. Лишь глаза выдавали

душевную муку. Филип сомневался, что она готова выслушать его сейчас, но был обязан сообщить факты. От первого до последнего.

– Джессика, вы попали в беду.

Она с трудом улыбнулась и смахнула со щеки случайную слезу.

– Мягко говоря. Что нового?

Филип проигнорировал вялую попытку пошутить и продолжал. Он хотел разделаться с этим.

– Я считаю, что он ни в чем не виноват. Хотя Ян признался в том, что вчера днем переспал с женщиной. Ну, то есть он... состоял с ней в интимной связи.

Филип пытался превратить тошнотворные слова в одну длинную фразу.

– Понятно. – Но на самом деле она ничего не понимала. Да и что тут было понимать? Ян занимался с кем-то любовью. И та особа обвинила его в изнасиловании. Почему она ничего не чувствовала? Только невероятное оцепенение, опустившееся на нее, как огромная шляпа. Ни гнева, вообще ничего, только оцепенение. И, может быть, жалость к Яну. Но почему она была так нечувствительна? Наверное, потому, что ей пришлось услышать это от Филипа, человека относительно постороннего. Сигарета, которую Джессика держала в руке, догорела до фильтра и потухла, а она все ждала, что он продолжит.

– Ян говорит, что слишком много выпил вчера за ленчем, а вечером должны были приехать вы. Что-то о вашем отсутствии в течение нескольких недель и о том, что он все-таки мужчина. Избавлю вас от неприятных подробностей. Ян заметил девушку в ресторане, и после нескольких порций спиртного она показалась ему симпатичной.

– Он подцепил ее? – Ощущение было такое, как будто кто-то другой произносил за нее слова. Джесси слышала их, но не ощущала, как двигаются ее губы. Казалось, в ней все умерло. Мозг, сердце, даже рот. Она чуть ли не истерически засмеялась, подумав о том, что будет, если ей понадобится отправиться в ванную. Конечно же, она обмочится прямо на замшевый стул и даже не заметит этого. Джессика чувствовала себя так, как будто ей ввели слишком большую дозу новокаина.

– Нет, Ян не подцепил ее. Он ушел из ресторана, чтобы поработать над книгой. Но, когда по пути к дому вновь проезжал мимо ресторана Энрико, случилось так, что она в тот момент оказалась на углу, а Ян остановился у светофора. И он предложил подвезти ее. Она оказалась не той, за кого себя выдавала. В машине выяснилось, что эта особа гораздо старше, чем он думал. На допросе она заявила, что ей тридцать, но Ян утверждает, что ей как минимум лет тридцать семь – тридцать восемь. Женщина дала ему адрес гостиницы на Маркет, где, по ее словам, она жила. Ян признался, что почувствовал к ней жалость, когда она пригласила его выпить. Он поднялся с ней, выпил – в ее комнате оказалось полбутылки бурбона. По его словам, вино ударило ему в голову, и он... переспал с ней.

Глядя в сторону, Уолд прочистил горло и продолжил:

– Ян утверждает, что дело обстояло именно так. Потом он оделся и поехал домой. Принял душ, вздремнул, перекусил и отправился встречать ваш самолет. Вот и вся история.

– Звучит довольно безвкусно, Филип, но не похоже на изнасилование. На чем строится обвинение?

– На ее заявлении. Ты должна понять, Джессика, какую спорную проблему в юридическом отношении сегодня представляет собой данная ситуация. Годами женщины обращались в суд с заявлениями об изнасиловании, а мужчины все отрицали. Частные сыщики раскапывали якобы неопровержимые доказательства того, что истица не была девственницей, и сразу обвинение снималось, мужчин оправдывали, дела закрывались, а женщины были опозорены. По многим причинам сегодня такое невозможно, несмотря на то, что случилось на самом деле. Теперь полиция и суды более осмотрительны, больше склонны верить женщинам. Все это очень хорошо... За редким исключением, когда появляются особы, пресле-

дующие корыстные цели, которые упекают за решетку какого-нибудь честного парня. Почти так же, как некоторые порядочные женщины были возмущены прежним положением дел, сегодня находятся мужчины, которые получают... гм... по больному месту.

Джессика не могла сдержать улыбку. Филип был таким высокоморальным человеком. Она была уверена, что он занимается любовью со своей женой в спортивных трусах от братьев Брукс.

– Полагаю, именно это и случилось с вашим мужем. Ян попал в руки больной, несчастной женщины. Она переспала с ним, а потом назвала это изнасилованием. Он говорит, что она была по-своему соблазнительной и утверждала, что работает официанткой в топлес-баре, но не в этом дело. Она могла замыслить сыграть с ним в очень плохую игру. И бог знает, как часто она поступала так прежде с помощью коварства, угроз и обвинений. Представляется вероятным, однако, что она прежде не обращалась в полицию. Думаю, на то, чтобы изобличить ее во лжи, нам потребуется много времени. Конечно, судебного разбирательства не избежать. Изнасилование трудно доказать, но еще труднее доказать, что его не было. Если она настаивает на своем, то окружной прокурор обязан выступить с обвинением. И, по всей видимости, расследующий это дело инспектор полиции склонен ей верить. Так что мы влипли. Если по каким-то причинам они решат, что им нужна его голова, дело пойдет в суд присяжных.

Долгое время они оба молчали, потом Филип вздохнул и заговорил снова:

– Я читал полицейские рапорты. Женщина утверждает, что он посадил ее в машину, она попросила отвезти ее назад в офис. Она работает секретарем в гостинице на Ван Несс. Вместо этого он привез ее в отель на Маркет, где они... где они и выпили в последний раз. После такого признания Яну еще повезло, что его не обвинили в похищении людей. В любом случае, он якобы принудил ее как к обычным половым сношениям, так и к... извращенным. Вот где начинаются пункты обвинения во втором и третьем случаях изнасилования и одно – в попытке. Хотя я полагаю, что от последнего они откажутся – о ней нет медицинского заключения.

Каким-то образом Филипу удавалось сохранять отстраненно-деловой тон в отношении деталей, но Джессику начинало подташнивать. Она чувствовала себя так, как будто плыла в огромной массе черной патоки, а все вокруг нее было таким тягучим, плотным и эфемерным. Ей захотелось взять нож и соскрести эти слова со своей кожи. «Так и к извращенным...» Что это значит?

– Ради бога, Филип, что ты имеешь в виду под «половыми извращениями»? Ян совершенно нормален в постели.

Филип покраснел, Джесси – нет. Не время строить из себя пуритан.

– Оральный секс. И анальный. Они являются противозаконными, как ты знаешь.

Губы Джессики строго сжались. Она не видела ничего извращенного в оральном сексе.

– Не было явных свидетельств в отношении анального секса, но вряд ли они откажутся от этого пункта. К сожалению, прежде чем я попал туда, Ян уже признался инспектору в том, что имел связь с этой женщиной. Он не дал показаний об оральном или анальном сексе, но ему не следовало вообще признаваться в факте половых сношений. Чертовски стыдно, что он признался.

– Это повредит делу?

– Не уверен. Мы можем изъять протокол допроса из представленных в суд свидетельств на том основании, что Ян не волне владел собой в тот момент. Мартин позаботится об этом.

Джессика какое-то мгновение сидела с закрытыми глазами, еще не веря в случившееся.

– Почему она пошла на это, Филип? Что рассчитывает получить? Деньги? Если это так, я дам ей, сколько бы она ни запросила. Я просто не могу поверить в реальность всего происходящего.

– Я понимаю, вам очень трудно свыкнуться с этим, Джессика. Но у вас отличный адвокат. Доверьтесь ему, он прекрасно проведет дело. И запомните – единственное, чего вы не должны делать ни при каких обстоятельствах – это предлагать истце деньги. Полиция ни за что не откажется от этого дела, а вы будете виновны в совершении уголовного преступления и бог знает чего еще, если попытаетесь подкупить ее. Сейчас я серьезен как никогда. Полицейские, похоже, проявляют к вашему мужу особый интерес. Не часто к ним попадает дело об изнасиловании, совершенном жителем Пэсифик-Хайтс, и у меня складывается такое впечатление, что им хочется проучить богатых. Сержант Хоугтон уже отпустил несколько саркастических замечаний о «некоторых людях, которые думают, что им все сойдет с рук за счет остальных, с меньшими доходами». Это не бог весть какое умозаключение, но если он и вправду так думает, его нужно держать в ежовых рукавицах. Как мне кажется, сержант не имеет ни малейшего представления ни о Яне, ни о вас. Любопытно было бы узнать, не считает ли он вас парой ненормальных, которые делают все, что угодно, чтобы только получить удовольствие. Кто знает, что у него на уме – я только делюсь с вами своими впечатлениями, – но хочу, чтобы вы были очень осторожны, Джессика. Что бы вы ни делали, не заставляйте ее замолчать с помощью денег. Вы навредите и Яну, и себе. Если ей нужны деньги, если она вам позвонит... пускай говорит. Позднее вы сможете дать показания. Но не платите ей ни цента!

Филип сделал особый упор на последнем предложении и провел по волосам рукой.

– Мне неприятно вам все это говорить, Джессика, но вы должны быть в курсе событий. Ситуация не из красивых, и, должен признаться, держитесь вы замечательно.

Но в этот момент слезы опять подступили к глазам, и Джессика была готова умолять его не быть таким добрым к ней, не делать ей комплиментов по поводу ее самообладания. Она могла справиться с самым худшим, но если кто-то пытался утешить ее, выражал сочувствие, заботился о ней... или Ян вдруг сейчас войдет в дверь... то тогда она будет рыдать до конца своих дней.

– Спасибо, Филип. – Он подумал, как странно, что ее голос лишен каких-либо эмоций, как будто она хотела поскорее избавиться от него. – По крайней мере очевидно, что это не изнасилование. Будем надеяться, что в суде все прояснится. Если это под силу Мартину Шварцу.

– Да, но... Джесси, будет очень неприятно. Ты должна быть к этому готова. – Они встретились взглядами, и она кивнула.

– Я понимаю.

Но где там! На самом деле она так ничего еще не поняла. Джессика была в шоке. Она усвоила только две вещи: Яна не было рядом, и он спал с другой женщиной. Нужно смотреть правде в глаза. Остальное дойдет до нее позже.

Филип не мог сделать для нее большего, а кроме того, он недостаточно хорошо знал Джессику, чтобы как-то ее утешить. Только Ян разбирался в ее характере, в ее чувствах. Джесси заставляла Филипа нервничать. Внешне она оставалась спокойной. Он был благодарен ей за то, что она не устраивала сцен, но ее поведение замораживало его, и он не находил себе места. Филип представил свою жену в такой ситуации, как бы она стала реагировать на что-то подобное. Или его сестра, да вообще любая женщина, которую он знал. Джесси была из другого теста. Слишком уравновешенная, на его взгляд, но что-то такое пряталось в глазах, которые были как два разбитых окна. Только они и открывали тайну ее души.

– Как вы думаете, он мне позвонит? Ведь у него есть право на один телефонный звонок из тюрьмы. – Он так и сделал, когда его заграбастали за неуплату квитанций о парковке.

– Да, но, насколько я понимаю, Ян не хочет звонить вам, Джессика.

– Не хочет? – Она, похоже, еще дальше удалялась от него в мир своих переживаний.

– Нет. Он сказал, что не уверен, как вы отнесетесь к его звонку. Заметил, что это может быть последней каплей.

– Вот негодяй.

Филип отвел взгляд и спустя какое-то время стал прощаться. Для него это был чрезвычайно неприятный день. Хорошо, что он не занимался уголовными делами. Он не мог всего этого переварить. Да, не завидовал он Мартину Шварцу, сколько бы денег тот ни заработал на этом деле.

Джесси еще долго сидела в гостиной после ухода Филипа. Она ждала, что вот-вот раздается звонок телефона... или в замке повернется ключ. Ведь такого не могло произойти на самом деле. Он обязательно придет домой. Как всегда. Она постаралась притвориться, что дом не был таким пустым и безжизненным. Джессика мурлыкала что-то под нос, говорила сама с собой. Он не мог оставить ее одну. Нет!.. Иногда во сне она слышала мамин голос... и голос Джейка... и отца... Но никогда голос Яна... никогда... никогда... Он позвонит, он должен позвонить. Он не мог вот так бросить ее, такую напуганную, он, конечно же, не поступил бы так с ней, Ян никогда не нарушал своих обещаний... а сейчас нарушил. Джессика вспомнила об этом поздно ночью, сидя на полу в холле, в полной темноте. Так она скорее должна была услышать, как поворачивается его ключ в замке. Муж вернется домой, но он не сдержал обещания. Он спал с другой женщиной, и теперь ей нужно было принять этот факт. Джесси не могла больше безразлично к этому относиться. Она ненавидела ее... ненавидела ее... ее... но не его. О господи, может быть, Ян больше не любил ее... Может быть, он полюбил другую женщину... может быть... Почему же он не звонит ей, черт возьми? Почему не... почему он... слезы бежали по ее щекам, как струйки теплого летнего дождика, когда она лежала на ровном деревянном полу в холле и ждала Яна. Она пролежала так до утра. Телефон так и не зазвонил.

Глава 5

Офисы Шварца, Дрюса и Джонаса размещались в здании «Американского банка» на Калифорния-стрит. Лучшего места для адвокатской конторы не найти. Усталая Джессика поднялась на сорок пятый этаж. На ней были большие темные очки и строгий темно-синий костюм. Этот туалет она держала специально для деловых встреч и похорон. В сегодняшнем визите было немножко и от того, и от другого. Десять двадцать пять. Она пришла на пять минут раньше, но Мартин Шварц уже ждал ее.

Секретарша проводила Джессику по длинному, застеленному ковром коридору, из которого была видна широкая панорама залива. Офисы Шварца занимали весь угол в северной части здания. Очевидно, что это была большая и процветающая фирма.

Апартаменты Мартина Шварца могли похвастаться двумя стеклянными стенами, но внутреннее убранство офиса было сведено к минимуму, его смело можно было назвать спартанским. Из-за стола поднялся седовласый мужчина среднего роста в очках. Вид у него был несколько хмурый.

– Миссис Кларк? – Секретарша представила ее, но Шварц узнал бы и так. Его новая клиентка выглядела именно так, как он и ожидал: богатой и элегантной. Но она была моложе, чем он представлял, и более собрана.

– Да. Здравствуйте. – Джессика протянула руку, и Мартин поразился красоте молодой женщины. Он мысленно представил себе ее и небритого, усталого, но по-прежнему привлекательного молодого человека, с которым встречался этим утром в городской тюрьме. Они, должно быть, отлично смотрятся вместе. Может быть, даже слишком хорошо: слишком красивые и молодые.

– Присаживайтесь.

Она кивнула и, отказавшись от кофе, опустилась в кресло напротив его стола.

– Вы видели Яна?

– Да. И сержанта Хоугтона тоже. Уже назначен и помощник окружного прокурора. Вчера вечером я больше часа разговаривал с Филипом Уолдом. Теперь хочу побеседовать с вами, а потом мы посмотрим, что за дело у нас на руках.

Шварц попытался улыбнуться и зашелестел бумагами на столе.

– Миссис Кларк, вы когда-нибудь употребляли наркотики?

– Нет. Ни я, ни муж. Ничего сильнее нескольких самокруток с марихуаной. Но я полагаю, с тех пор прошло уже больше года. Нам не очень-то понравилось. И мы пьем только вино.

– Давайте не будем забегать вперед. Я хочу вернуться к наркотикам. Есть ли у вас знакомые, которые их употребляют?

– Из тех, кого я знаю, – нет.

– Что-нибудь подобное может всплыть в процессе слушания дела, миссис Кларк?

– Нет, я уверена.

– Хорошо. – Лицо Мартина несколько просветлело.

– Почему вы спрашиваете?

– Это те несколько пунктов, над которыми, как я подозреваю, может работать Хоугтон. Он сделал несколько нелicenseприятных замечаний о вашем магазине. Какая-то девушка, которая выглядит как танцовщица, исполняющая танец живота, и другая, восточного типа. А также то, что ваш муж писатель – знаете, какие у людей фантазии на этот счет. Хоугтон обладает живым воображением, типичным для человека из низших слоев среднего класса, и стойкой неприязнью ко всему, что идет из вашей части города.

– Я так и думала. Он зашел в магазин, чтобы задать несколько вопросов, прежде чем арестовать Яна. А «исполнительница танца живота», о которой он имел несчастье упомянуть, – это молодая продавщица, которая носит бюстгальтер 38-го размера с чашечкой Д и ходит в церковь дважды в неделю.

Джессика не улыбалась. Улыбался Мартин Шварц.

– Звучит восхитительно. – Ему удалось вытянуть улыбку и из нее.

– А если сержант Хоугтон по нашему виду пришел к заключению, будто у нас водятся лишние деньги, то в этом он тоже заблуждается. То, что он видел, заработали мои родители и брат. Я унаследовала их состояние. Брат не успел обзавестись семьей, поэтому все досталось мне.

– Понимаю. – После небольшой паузы Мартин опять посмотрел на Джессику. – Должно быть, вам одиноко одной.

Она медленно кивнула, не отводя глаз от окна.

– У меня есть Ян.

– А дети?

Она отрицательно покачала головой, и адвокат начал кое-что понимать. Причину, почему его клиентка не была разгневана, почему она так отчаянно стремилась вернуть своего мужа, не произнеся ни одного язвительного слова в отношении выдвинутых обвинений. Причину почти пугающей срочности, которую он уловил в ее голосе во время телефонного разговора с ней и вот теперь в своем офисе. «У меня есть Ян» объясняло все. Мартин неожиданно понял, что для Джессики Кларк муж был самым близким и дорогим человеком на свете.

– Как я понимаю, нет никакой надежды на то, что они откажутся от обвинений?

– Абсолютно. Этого не сделают из политических соображений. В данном случае вокруг жертвы поднялась такая шумиха. Истица хочет видеть его на скамье подсудимых. Полагаю, стоит ожидать того, что они будут упорно ворошить ваше прошлое. Вы сможете это выдержать?

Джессика кивнула. Шварц не сказал ей о том, что Ян опасался, как бы она не сломалась под давлением.

– Есть что-нибудь еще, о чем я должен знать? Какие-либо неразумные поступки с вашей стороны? Проблемы в супружеской жизни? Сексуальная... «экзотика» или, скажем, какие-то оргии, которые вы могли устроить?

Раздраженная, она покачала головой.

– Извините, я должен был спросить – подобные вопросы все равно всплывут. Лучше быть искренней сейчас. Разумеется, нам потребуется свое собственное расследование, касающееся этой девушки. У меня есть специалист. Миссис Кларк, мы готовы разбиться в лепешку ради Яна.

Шварц опять ей улыбнулся, и на секунду Джессике показалось, что все это она видит во сне. Этот человек был ненастоящий, он не задавал ей нескромных вопросов... Ян не сидел на самом деле в тюрьме... а беседующий с ней мужчина был другом ее отца, и все это было большим розыгрышем. Она почувствовала на себе внимательный взгляд и вынуждена была вернуться назад, в реальный мир, притворяясь, что это и есть действительность. И что еще хуже, действительность, в которой Ян находился в тюрьме.

– Его можно вытащить до суда?

– Надеюсь. Но это в большей степени ляжет на вас. В том случае, если бы обвинения были менее суровые, мы могли бы добиться освобождения вашего мужа на основании его собственного обязательства, данного в суде. Но при такого рода обвинениях, я уверен, судья будет настаивать на залоге, несмотря на то что у Яна не было раньше судимостей. Выйдет он или нет, зависит от того, сможете ли вы внести сумму залога. Они собираются установить его

в размере двадцати пяти тысяч долларов. Это немало и означает, что вы должны либо внести двадцать пять тысяч наличными и не увидите их до окончания судебного процесса, либо всю сумму внесет кто-то за вас, а вы вручите ему закладную на свое имущество. Большая сумма. Но мы займемся тем, чтобы сбавить ее до более приемлемой цифры.

Джессика тяжело вздохнула и рассеянно сняла очки. То, что Мартин увидел, потрясло его. Под красными, опухшими от слез глазами, наполненными ужасом, у нее залегли мрачные тени. Но это были глаза ребенка. Чопорность служила всего лишь защитной маской. Мартин думал, что его клиентка многоопытная женщина, но, возможно, он ошибался, возможно. Быть может, несмотря на все ее деньги, Ян был единственной надеждой. Эта мысль несколько успокоила адвоката в отношении своего подзащитного. Ян, несомненно, был в лучшей форме, чем его жена.

Шварц заставил себя опять сосредоточиться на залоге, а глаза Джессики продолжали следить за ним. Она, похоже, не отдавала себе отчета в том, как много только что открыла перед ним.

– Как вы считаете, вам будет по силам сумма залога, миссис Кларк?

Она устало взглянула на него и слегка пожала плечами.

– Полагаю, да. – Но Джессика знала, что не осилит такую сумму, если вручит Шварцу чек на две тысячи долларов, лежавший в ее сумочке. У нее не оставалось иного выбора. Адвокат нужен был немедленно. Ей придется заложить машину. Или... что-то другое. Что за черт, теперь это было неважно. В ее положении ничего не играло большой роли. Если потребуется, она продаст дом. Но что, если... она должна была знать. – А что, если мы не сможем заплатить всю сумму залога сразу?

– Там не существует понятия кредита, миссис Кларк, Вы платите всю сумму и передаете закладную, либо они просто не выпускают Яна из тюрьмы.

– До каких пор?

– До конца суда.

– Боже мой. Тогда у меня нет выбора, не так ли?

– В каком смысле?

– Мы просто продадим все, что потребуется.

Шварц кивнул с сожалением. Он редко испытывал какие-либо чувства к своим клиентам, и если бы Джессика стала ныть и жаловаться, то вызвала бы только его раздражение. Вместо этого она завоевала его уважение... и сострадание. Никто из них не заслуживал таких бед. Ему стало любопытно, что же на самом деле скрывалось за обвинениями в изнасиловании. В глубине души Мартин был уверен в невиновности своего подзащитного. Вопрос заключался в том, можно ли это доказать.

Следующие десять минут он провел, объясняя детали процедуры предъявления обвинения. Джессика почувствовала облегчение.

– Если мне понадобится, по какому номеру я смогу с вами сегодня связаться, миссис Кларк?

Она кивнула и черкнула номер магазина. Это был первый раз, когда Джессика подумала о том, чтобы заглянуть в бутик.

– Я буду там после того, как увижу Яна. Я собираюсь встретиться с ним. Да, мистер Шварц, называйте меня, пожалуйста, Джессика или Джесси. Похоже, нам предстоит длительное знакомство.

– Совершенно верно. Я хочу вновь увидеть вас здесь, в моем офисе, в пятницу. Вас обоих, если удастся вытащить Яна.

Это «если» заставило Джессику вздрогнуть.

– Нет, лучше в понедельник. Если все получится, вам необходим будет отдых. А уж затем мы засучим рукава. У нас не так много времени.

– Сколько? – спросила Джессика голосом безнадёжного больного.

– Подумаем об этом после предъявления обвинения. Суд, по всей видимости, состоится примерно через два месяца.

– Перед Рождеством? – Своим вопросом Джессика вновь напомнила ему большого ребенка.

– Перед Рождеством. Если мы не получим отсрочку. Но ваш муж утром выразил пожелание, чтобы все прошло как можно быстрее, чтобы вы могли поскорее забыть о случившемся.

«Забыть? – подумала она. – Разве можно забыть это?»

Он встал и протянул руку, на минуту сняв очки.

– Джессика, попытайтесь расслабиться, а проблемы оставьте мне. Сделаю все, что в моих силах.

Она тоже встала, пожав ему руку. Он опять был удивлен ее ростом.

– Спасибо за все, Мартин. Яну передать что-нибудь? – Она остановилась в дверях.

– Передайте, что я назвал его счастливым. – Глаза Шварца потеплели. Джессика улыбнулась комплименту и выскользнула за дверь.

Мартин Шварц повернулся в кресле к окну и, задумчиво покрутив в руках очки, покачал головой. Чертовски сложное предстоит дело. Он был уверен в невинности Яны, но молодые, счастливые, красивые и богатые супруги будут раздражать суд присяжных. Джессика вызовет к себе неприязнь женщин-заседателей, мужчины же почувствуют антипатию к Яну, потому что усомнятся в его способности зарабатывать себе на жизнь писательским трудом. Они оба производили впечатление состоятельных людей, насколько бы правдиво ни звучало объяснение Джесси по поводу наследства. Не нравилось ему это дело. А жертва, судя по всему, была женщиной со странностями, может быть, с расстроенной психикой. Мартин надеялся лишь на то, что им удастся раздобыть достаточно компрометирующего материала, чтобы уничтожить ее. Это была нечестная игра, но единственный шанс для Яны.

Глава 6

Джессика остановилась в вестибюле банка, чтобы позвонить в бутик. Голос ответившей Зины выражал беспокойство.

– Джесси, как ты? – Девушки все-таки позвонили ей домой в половине одиннадцатого утра, но к тому времени она уже ушла.

– Я в полном порядке. А как у вас? – Зине не понравился ее голос.

– Все хорошо, не беспокойся. Ты придешь?

– После ленча. До встречи. – Она повесила трубку до того, как Зина успела спросить что-то еще, и направилась за «Морганом» в гараж. Джессика собиралась встретиться с Яном.

Она стала на две тысячи долларов беднее, но чувствовала себя лучше. Чек в голубом конверте был оставлен на столике у секретаря. Первая половина гонорара Мартина Шварца. Джессика сдержала слово. Теперь их совместный счет составлял сто восемьдесят один доллар, но у Яна появился защитник. Какой дорогой ценой им приходилось вытаскивать его из тюрьмы!

Джессика пыталась прогнать грустные мысли, пока ехала через город. Она была не столько разгневана, сколько неприятно поражена. Что случилось? Кто эта женщина? Почему она так с ним поступила? Что у нее было против него? После разговора с Мартином Джесси несколько успокоилась. Ян не сделал ничего плохого – не считая того, что подцепил не ту женщину, чтобы поразвлечься. О господи, если бы он не совершил подобной ошибки!

Она нашла место для парковки на Брайант-стрит по другую сторону от сияющих неоновых вывесок контор залогодержателей. Джессике стало любопытно, с кем из них ей придется торговаться завтра днем. Они все выглядели так неряшливо, что она ни за что бы не зашла ни в одну из них, если бы ей пришлось спастись от холода, не говоря уже о том, чтобы обратиться туда по делу. Она быстро прошла в Зал правосудия, где, пока охранник рылся в сумочке, ее проверили металлоискателем. Джессике пришлось задержаться, чтобы, предъявив свои водительские права, удостоверить свою личность и получить пропуск для свидания с Яном. Собралось прилично народу, стоявшего теперь в очереди, которая, однако, быстро продвигалась.

Это была потрепанная, взъерошенная масса людей, с которыми она не шла ни в какое сравнение. Рост выделял ее среди всех остальных женщин и большинства мужчин, а темно-синий деловой костюм был не к месту. Разношерстная публика была одета во что попало. Для кино такая толпа представляла собой интересное зрелище. Для кино, но не для жизни. Джесси невольно подумала о том, как выглядела та женщина? Неужели так же, как этот сброд? Ее колени предательски дрожали, она не представляла, что скажет мужу. А что она могла сказать?

Джессика с трудом нажала кнопку седьмого этажа. Пока она размышляла о том, как выглядит тюрьма изнутри, внутри ее чувство падения сменялось ощущением взлета. Однажды она уже побывала здесь, когда забирала Яна под залог, но подобных визитов ей раньше не приходилось совершать. Она всего-навсего приехала и забрала его. На этот раз все обстояло по-другому.

Лифт равнодушно выпустил ее на седьмом. Она знала одно – что хочет видеть Яна. Неожиданно Джесси поняла, что сможет справиться с любыми страхами и гневом, пройти через тысячную толпу сутенеров в коричневых атласных костюмах, чтобы только добраться до Яна.

Посетители ожидали в отдельной комнате перед железной дверью, а охранник запускал их внутрь группками по пять-шесть человек. Выходили они через другую дверь на про-

тивоположном конце комнаты. Но Джессике казалось, будто их проглатывает кто-то огромный, и они никогда больше не возвращаются назад.

Мгновение спустя она сама оказалась внутри. В освещенной лампами дневного света комнате без окон было жарко и душно. Посередине находился длинный стеклянный барьер с маленькими отделениями для телефонов на каждой стороне. Джессика поняла, что увидит его через стекло. Об этом она не подумала. Что можно было сказать по телефону?

Лицо Яна появилось в дальнем окне в то время, когда она размышляла, к какому из них подойти. Он стоял там, глядя на нее, а она – здесь, по другую сторону от него, слезы подступали к ее глазам. Джесси не могла проявить слабость... не могла... нет! Она медленно подошла к телефону, чувствуя, как клещами сдавливает сердце, а ноги становятся ватными. Однако она одолела этот путь и не заметила, как дрожат руки, когда нерешительно помахала мужу. В полной тишине они какое-то время смотрели друг на друга. Потом он заговорил:

– Как ты?

– Нормально. А ты?

Он опять помолчал и кивнул с едва заметной натянутой улыбкой.

– Потрясающе. – Но его улыбка так же быстро угасла. – Малышка, мне так жаль, что я втянул тебя в эту историю. Безумие какое-то... Я хочу тебе сказать, Джесси, что я люблю тебя и не понимаю, как угодил в эту проклятую переделку. Я не знал, как ты отреагируешь.

– А что ты думал? Что я сбегу? Разве я когда-нибудь так поступала? – Она выглядела такой обиженной, что он хотел отвернуться. Ему было больно смотреть на нее. Очень больно.

– Но это отнюдь не превышение кредита в банке на тридцать долларов. Я хочу сказать... Боже, что я могу сказать, Джесси?

В ответ она подарила ему крошечную улыбку.

– Ты уже ответил. Я тоже тебя люблю. Только это и важно. Мы выпутаемся.

– Да-а... но... Джесс, не похоже, что будет легко. Та женщина держится за свои обвинения мертвой хваткой, а полицейский инспектор действует так, будто у него в руках – маньяк.

– Симпатия, да?

– Он с тобой разговаривал? – Ян выглядел удивленным.

– Прямо перед тем, как отправиться за тобой.

Ян побледнел.

– Он рассказал тебе, в чем меня обвиняют? – Она покачала головой и отвела взгляд. – О господи... какие испытания обрушились на тебя. Не могу поверить.

– И я. Переживем как-нибудь, – улыбнулась она. – Что ты думаешь о Мартине?

– Мартине Шварце? Мне он понравился. Но его услуги обойдутся нам недешево, верно?

Джесси попыталась сменить тему, но Ян перебил ее.

– Сколько? – В какой-то момент в его глазах проскользнула горечь.

– Не имеет значения.

– Для тебя, может быть, и не имеет, а для меня – важно. Сколько?

– Две тысячи сейчас и еще пять, если дело дойдет до суда. – Он не прятался от ее взгляда. Она должна была ему сказать.

– Ты шутишь?

В ответ Джесси отрицательно покачала головой.

– Человек, с которым я вчера разговаривала, запросил пятнадцать тысяч наличными к концу этой недели.

– Боже, Джессика... Это безумие. Но я тебе все верну за Шварца.

– Милый, ты меня утомляешь.

– Я люблю тебя, Джесс. – Они обменялись долгим нежным взглядом, и Джессика вновь почувствовала, как слезы подступают к глазам.

– Почему ты не позвонил мне вчера вечером? – Она не стала рассказывать Яну, что пролежала на полу всю ночь, ожидая его звонка. Напуганная, на грани истерики, но слишком уставшая, чтобы двигаться. Она чувствовала себя так, как будто ее тело было парализовано, а мозг продолжал лихорадочно работать.

– Как я мог тебе звонить, Джесси? Что бы я сказал?

«Что ты любишь меня...»

– Думаю, я был в шоке. Я сидел парализованный. Не мог ничего понять.

«Тогда почему же ты трахался с ней, черт тебя побери?» Но вспышка гнева прошла, как только она опять посмотрела на него. Он был таким же несчастным, как и она. Даже больше.

– Как ты думаешь, почему она обвиняет тебя в... в...

– Изнасиловании? – Ян произнес это как смертный приговор. – Не знаю. Возможно, она больна, или сумасшедшая, или обозлилась на кого-то, а может быть, ей нужны деньги. Откуда, черт возьми, мне знать? Глупо было с моей стороны так поступать. Джесси, я...

Он посмотрел в сторону, а потом опять на жену, в глазах у него блеснули слезы.

– Как нам жить после этого? Справишься ли ты с этим, Джесси? Или возненавидишь меня? И... Я просто не знаю...

– Прекрати! – Она выплюнула эти слова в трубку злым шепотом. – Прекрати немедленно. Посмотрим, как будет дальше. Все уладится, и нам никогда не придется об этом вспоминать.

– Правда? Честно, Джесси, ты все забудешь? Ты простишь меня?

Ян провел рукой по волосам и потянулся за сигаретой. Джесси наблюдала за мужем и неожиданно заметила, что на нем брюки от белой больничной пижамы.

– Бог ты мой, что случилось с твоими брюками? Они что, не дали тебе времени одеться?

Ее глаза расширились от ужаса, когда она представила, как сержант Хоугтон вытаскивает его из дома полуодетым и в наручниках.

– Симпатяги, да? Они взяли мои брюки в лабораторию, чтобы идентифицировать сперму.

Все это было так отвратительно, так дешево, так...

– Кстати, к завтрашнему утру мне нужна пара брюк, чтобы появиться в суде. – Затем на какое-то мгновение Ян задумался и глубоко затянулся сигаретой.

– Я просто не понимаю этого. Знаешь, если ей нужны были деньги, достаточно позвонить мне и начать шантажировать. Ведь я сказал ей, что женат.

Как мило... По какой-то непонятной причине, посмотрев на Яна, на его мятые пижамные брюки, на мальчишеское лицо и растрепанные светлые волосы, на весь окружающий сброд, Джесси начала смеяться.

– С тобой все в порядке? – Он выглядел испуганным. Что, если с женой случится истерика? Но не похоже, она выглядела необычайно веселой.

– Знаешь что, дурачок? Я в полном порядке. И я люблю тебя, а все вокруг – просто какая-то нелепость. Так что, пожалуйста, возвращайся домой – и знаешь что? Ты так симпатично смотришься в пижаме.

Это был тот же смех, который он слышал миллион раз по ночам, когда Джесси дразнила его, разгуливая по дому обнаженной, с карандашом за каждым ухом, читая его работу. Так она смеялась, когда они обливали друг друга водой в душе, когда щекотала, касаясь его в постели. Перед ним сидела прежняя Джесси, и он неожиданно для себя улыбнулся, впервые с тех пор, как начался этот кошмар.

– Леди, вы абсолютно не в своем уме. Но я восхищаюсь вами. Не будете ли вы так любезны, чтобы вытащить меня из этой помойки? Чтобы я мог пойти домой и... Он остановился на следующем слове и неожиданно побледнел.

– Изнасиловал меня? А почему бы и нет? – И они снова улыбнулись, но сдержанно. Джесси почувствовала себя гораздо лучше. Она видела Яна, она знала, что любима, находится в безопасности и под его защитой. Когда он исчез и дом наполнился пугающей тишиной, Джесси не могла избавиться от ощущения, что он умер. Но Ян был жив. Он всегда будет жить и принадлежать только ей. Ни с того ни с сего ей вдруг захотелось танцевать здесь, в тюрьме, среди воров и сутенеров, она вдруг хотела танцевать. Она захотела вернуть Яна.

– Мистер Кларк, как же это получилось, что я так сильно вас люблю?

– Это потому, что вы умственно отсталая, но мне такие даже больше нравятся. Эй, леди, не будете вы хоть минутку серьезной?

По выражению его лица было видно, что он не шутит, но в ее усталых, красных от бессонницы глазах еще не погасла улыбка.

– В чем дело?

– Я о том, чтобы вернуть тебе деньги. Я обязательно верну.

– Не беспокойся об этом.

– Но я непременно верну. Найду какую-нибудь работу. Так дальше не может продолжаться, и ты это знаешь.

– Что не может продолжаться? – Джессика опять выглядела испуганной.

– Я хочу сказать, что мне не нравится быть на поводке, даже если считается, что от этого выиграет моя карьера. Это ущемляет мое «я» и вредит нашему браку.

– Ерунда.

– Нет, не ерунда. Я серьезно. Но здесь не место и не время говорить об этом. Я только хочу, чтобы ты знала, что сколько бы денег у тебя ни ушло на это, ты их получишь назад. Понятно?

Джессика, казалось, колебалась, и голос Яна зазвучал громче:

– Я сделаю это, Джесси. Не спорь со мной. Не ты платишь.

– Хорошо. – Она посмотрела на него многозначительно, но тут охранник похлопал ее по плечу. Визит был окончен. А им еще столько оставалось сказать друг другу.

– Относись к этому легче, дорогая. Увижу тебя завтра в суде.

Джессика выглядела растерянной.

– Можешь мне завтра позвонить?

Он покачал головой.

– Нет, теперь мне не разрешат.

– О-о! Но мне нужно услышать тебя... Ты нужен мне, Ян... Я...

– Выспись хорошенько до суда. Обещаешь? – Она кивнула. Как ребенок. Он улыбнулся ей. – Я так люблю тебя, Джесс. Береги себя.

Она опять кивнула.

– И ты тоже. Ян... Я... Я умру без тебя.

– Выбрось это из головы. Увидимся завтра в суде. И Джесс... спасибо. За все.

– Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю. – На последних словах телефоны перестали подавать признаки жизни, и она помахала ему, следуя в лифт за стайкой посетителей. Джессика опять была одна с ними. Ян ушел. Но на этот раз все было по-другому. Она видела его живым и невредимым, говорила с ним. С этой минуты он по-прежнему был с ней.

Глава 7

И Зина, и Катуко были заняты с покупателями, когда Джессика вошла в бутик. Таким образом, у нее оказалось время, чтобы прийти в себя, прежде чем присоединиться к ним. Форменное сумасшествие. Угадайте, где я была? Навещала Яна в тюрьме. Одним махом из городской тюрьмы в «Леди Джей». Безумие.

Девушки помогали двум дамам выбрать платья для поездки в Палм-Спрингз. Обе страдали чрезмерной полнотой и отсутствием вкуса, а кроме того, имели властные манеры и не отличались доброжелательностью. Джессика поразились терпению Зины и Катуко. Она постоянно думала о Яне, о тюрьме, о Мартине Шварце и об инспекторе Хоугтоне. Его глаза, казалось, неотступно следовали за ней.

— А чем занимается ваш муж? — Одна из покупательниц задала этот вопрос, проглядывая ряд темно-бордовых юбок с черной атласной отделкой. Копии Сен-Лорана.

— Мой муж? Он насилует... то есть, я хотела сказать, пишет!

Дамы сочли это забавной шуткой, даже Зина и Кэт не могли удержаться от смеха. Джессика смеялась сквозь слезы.

— Мой тоже этим увлекался — пока не пристрастился к гольфу.

Вторая матрона расценила эту интерлюдия восхитительной и остановила свой выбор на двух юбках и блузке, тогда как первая вернулась к свободного покроя брюкам.

Это был долгий напряженный день, что, однако, избавило ее от необходимости разговаривать с Зиной и Кэт. Около пяти часов они наконец присели передохнуть и выпить по чашечке кофе.

— Джесс, теперь-то все в порядке?

— Гораздо лучше. У нас возникли кое-какие проблемы, но к завтрашнему дню все будет улажено.

По крайней мере тогда Ян будет дома, и они смогут разобраться с этим вместе.

— Мы волновались за тебя. Я рада, что все уладилось. — Зину, казалось, удовлетворил ее ответ, но Катуко пылливо вглядывалась в глаза Джессики, понимая, что с ней приключилась какая-то беда.

— Ты отвратительно выглядишь, Джессика Кларк.

— Это все мрачный костюм. — Она скользнула взглядом по осенней коллекции, выбирая, во что бы переодеться для поднятия настроения. Но было уже поздно, она устала, и у нее не осталось сил на примерки и переодевания. Через десять-пятнадцать минут Зина запрет двери бутика.

Джессика встала, у нее болела спина и шея от долгой беспокойной ночи, которую она провела на полу. Не говоря уже о дневных переживаниях. Она осторожно выгнула спину, пытаясь расслабить мышцы. В этот момент в бутик вошла женщина. Джесси, Кэт и Зина переглянулись, решая, кому заняться покупательницей. Обслужить ее выпало Джесси, которая направилась к ней с радушной улыбкой. Посетительница казалась довольной, а Джесси это было только на пользу, поскольку отвлекало от мрачных мыслей.

— Чем могу вам помочь?

— Вы не возражаете, если я тут покопаюсь? Я услышала о вашем магазине от подруги. У вас неплохие вещи в витрине.

— Спасибо. Дайте мне знать, если я понадобится. — Джессика и покупательница обменялись вежливыми улыбками, и та начала просматривать спортивные товары. Элегантная женщина, далеко за тридцать или скорее под сорок. На ней был простой черный брючный костюм с отделкой, кремового цвета льняная блузка, небольшой яркий шарфик на шее и богатый набор, по всей видимости, дорогих украшений: красивый браслет, миленькая

цепочка, несколько массивных колец и эффектные серьги с ониксом, привлечшие внимание Джессики, едва женщина переступила порог бутика. От покупательницы прямо-таки веяло богатством. Но ее лицо светилось теплотой и сердечностью. Казалось, она получала удовольствие от красивых вещей, которые носила, но понимала, что в жизни есть кое-что и поважней.

Джесси наблюдала за тем, как поздняя посетительница переходила от одной вешалки к другой. Она производила впечатление жизнерадостного и счастливого человека, обладая, помимо прочего, особой грацией. У нее было молодое лицо, хотя в волосах уже проглядывали седые прядки. Каким-то непонятным образом она напонила Джесси сиамского кота, в особенности бледно-голубой фарфор ее глаз. Что-то в женщине вызывало желание узнать о ней побольше.

– Вы хотите что-нибудь особенное? У нас есть вещи на складе.

Женщина улыбнулась Джесси и пожала плечами.

– Я, наверное, старовата для них, а как насчет вон того замшевого пальто? У вас есть восьмой размер? – У нее был несколько виноватый вид, как у девочки, покупающей больше жевательной резинки, чем ей позволялось, и одновременно получающей от этого удовольствие.

– Сейчас посмотрю. – Джессика растворилась в кладовой, интересуясь, есть ли у них пальто такого размера.

Оно нашлось, но стоило на сорок долларов дороже. Джессика сняла этикетку с ценой и вынесла пальто покупательнице. Это была модель теплого светло-коричневого цвета, прилегающего покроя и выглядела лучше той, что висела в торговом зале. Женщина сразу же заметила разницу.

– Черт. Я была уверена, что оно мне не пойдет.

– Этот цвет вам к лицу и смотрится на вас замечательно.

Они наблюдали за тем, как женщина в замшевом пальто изящно кружится по полу. Пальто сидело как влитое, и она знала это. Приятно смотреть на человека, который умеет носить одежду. Правда, эта покупательница смело могла бы завернуться в мешковину и выглядеть не менее привлекательно.

– Сколько оно стоит?

– Триста десять.

Зина и Кэт обменялись недоуменными взглядами, но промолчали. У Джесси были свои приемы, и обычно они срабатывали. Возможно, эту даму она хотела сделать постоянной клиенткой. Цена покупательницу ничуть не смутила.

– У вас есть в тон ему брюки?

– Были, но их уже продали.

– Очень жаль. – Попутно женщина купила три свитера, блузку и юбку под цвет пальто, прежде чем поняла, что нанесла достаточный урон своему кошельку. Она вынула отделанную изумрудно-зеленой замшей чековую книжку и с улыбкой посмотрела на Джесси.

– И если увидите меня здесь раньше чем через неделю, гоните в шею.

– Так уж и гнать?

– Это приказ, а не просьба.

– Какая жалость. – Обе женщины засмеялись, и покупательница недрогнувшей рукой заполнила чек на сумму больше пятисот долларов. Ее звали Астрид Боннер, она жила на Вaley, в квартале от Джесси.

– Мы почти соседи, миссис Боннер. – Джесси назвала свой адрес, и Астрид Боннер ответила ей улыбкой.

– Я знаю ваш дом! Маленький, синий с белым. Готова поклясться, это тот, с потрясающими цветами.

– Нас видно издалека!

– Не извиняйтесь, ваши цветы украшают улицу! А не вам ли принадлежит маленькая красная спортивная машина?

Джесси сделала движение головой в сторону окна.

– Моя. – Они вместе засмеялись. Было уже без четверти шесть. – Не хотите ли выпить? – У них хранилась бутылка «Джонни Уокер». Некоторые покупательницы любили задержаться в бутике, чтобы поболтать. Еще одна милая черта.

– Я бы не прочь, но не стану. Вам, наверное, пора домой.

Джесси улыбнулась, а Катсуко тем временем складывала покупки миссис Боннер в две большие сияющие коробки, заполненные тонкой оберточной бумагой желтого и оранжевого цветов, а затем перевязала их ленточками.

– Это ваш магазин?

Джесси кивнула.

– У вас отличные вещи. Это пальто, оно нужно мне, как... Но у меня нет силы воли. Мой самый большой недостаток.

– Иногда мотовство полезно для души.

Астрид Боннер слегка кивнула в ответ на это замечание, и женщины обменялись долгим взглядом. Джесси чувствовала себя легко в ее обществе. Ей было жаль, что Астрид Боннер не останется выпить рюмочку, ведь теперь Джесси некуда было спешить. Она была бы не прочь поговорить с новой знакомой по душам. Джессике вдруг стало интересно, какой из домов в соседнем квартале принадлежит Астрид Боннер. И тут ей в голову пришла смелая мысль.

– Между прочим, я могла бы вас подвезти. Я уже ухожу. – Это к тому же освободит ее от возможных вопросов Зины и Кэт. Сейчас она не была готова на них ответить. Астрид Боннер могла бы спасти ее от нежелательных расспросов. Она еще не сказала девочкам, что ее не будет завтра утром.

– Замечательно. Спасибо. Обычно я иду пешком, когда нахожусь недалеко от дома, но с двумя коробками... Очень кстати.

Она улыбнулась и как будто помолодела. Джесси заинтересовалась, сколько же ей на самом деле лет.

Джессика взяла пальто, сумочку и помахала Зине и Кэт.

– Спокойной ночи, девочки. До завтра. Но утром меня не будет. – Все четверо улыбнулись друг другу. Зина заперла за ними дверь. Ни вопросов, ни ответов, никакой лжи. Джесси почувствовала облегчение. Она не отдавала себе отчет в том, в каком напряжении находилась весь день.

Джессика открыла двери автомобиля, Астрид села, сложив коробки на коленях, и они поехали домой.

– Магазин, по всей видимости, отнимает уйму времени.

– Да, но это как раз по мне. О, я еще не представилась, извините. Джессика Кларк.

Они опять обменялись улыбками. Вечерний бриз несколько испортил прическу Астрид.

– Вы хотите, чтобы я подняла верх?

– Конечно, нет. – Она неожиданно засмеялась и посмотрела на Джесси. – Ради бога, я не настолько стара и замшела. Признаюсь, я завидую вашему магазину. Я когда-то работала в редакции журнала в Нью-Йорке. Это было десять лет назад, но я все еще скучаю по моде, в любых ее проявлениях.

– Мы тоже приехали из Нью-Йорка. Шесть лет назад. Что привело вас сюда?

– Мой муж. Нет, нет, на самом деле это была деловая поездка. Потом я встретила здесь своего мужа, да так и не вернулась.

Астрид, похоже, с удовольствием предалась воспоминаниям.

– Неужели? Значит, вас еще ждут в редакции? – Обе женщины засмеялись в опускающихся мягких сумерках.

– Нет, я вернулась, но только на три недели. Подала заявление об уходе. А ведь я думала только о своей карьере и не помышляла о замужестве... И вдруг встретила Тома. Конец карьеры!

– Вы когда-нибудь жалели об этом? – вторглась в святая святых Джессика.

– Нет. Никогда. Том все изменил.

Джессика удивилась. Ян тоже кое-что изменил в ее жизни, но не в такой степени. Это не стоило ей карьеры, не вынудило ее уехать из Нью-Йорка. Джесси давно хотела перебраться в Сан-Франциско. Но бросить «Леди Джей» – это уж слишком.

– Том был замечательным человеком. Он умер в прошлом году.

– Извините. А дети, у вас есть дети?

Астрид засмеялась и покачала головой:

– Тому было пятьдесят восемь, когда я вышла за него замуж. Мы провели замечательные десять лет, миг вдвоем. Как медовый месяц.

Джесси вспомнила свою жизнь с Яном и улыбнулась.

– В этом вы правы. Дети могут помешать.

– Если вы хотите пожить для себя. Но мы оба считали, что слишком стары. Я вышла замуж в тридцать два года и считала, что не создана для роли примерной матери.

Значит, Астрид было сорок два. Джесси удивилась.

– Почему вы не пошли работать?

– На что я могла рассчитывать? Я работала в «Вог», но здесь нет ничего похожего. К тому же даже там я уже не нужна после десятилетнего отсутствия. Отстаешь от жизни. Я оказалась на обочине, как можете оказаться и вы. А кроме того, у меня нет абсолютно никакого желания возвращаться в Нью-Йорк.

– Откройте какой-нибудь бизнес, связанный с модой.

– Например?

– Бутик.

– Что возвращает нас к исходной точке, дорогая. Как я завидую вам.

– Не переусердствуйте. Здесь тоже есть свои проблемы.

– Но и свои плюсы. Вы часто бываете в Нью-Йорке?

– Вернулась оттуда два дня назад.

А вчера моего мужа арестовали за изнасилование. Она чуть было не сболтнула. Астрид была бы напугана до смерти. Джесси мрачно вздохнула, на мгновение забыв, что она не одна.

– Поездка была утомительной? – спросила Астрид, не в силах сдержать улыбку.

– Какая поездка?

– В Нью-Йорк. Вы сказали, что вернулись два дня назад, а потом вздохнули так, будто умер ваш лучший друг.

– Извините. Выдался трудный день. – Джесси попыталась улыбнуться, но неожиданно обрушившаяся на нее беда вновь напомнила о себе. Повисла неловкая пауза, Астрид взглянула на нее искоса.

– Что-нибудь не так?

Джессика не могла ответить ложью на ее вопросительный взгляд.

– Ничего, что не было бы улажено к завтрашнему дню.

– Могу я чем-то помочь?

Какая замечательная женщина, они совершенно не знакомы, а она интересуется проблемами Джесси.

– Нет, все в полном порядке. Вы уже помогли, пролив на меня немного солнечного света в конце трудного дня. Какой дом ваш?

Астрид засмеялась и показала.

– Вот этот. Вы были так добры, что согласились подвезти меня.

Солидный кирпичный особняк с черными ставнями, обведенными по краям белой краской, и заботливо ухоженной живой изгородью. Джессика чуть было не присвистнула. Они с Яном часто спрашивали себя, кто же там живет, предполагая, что его владельцы часто путешествуют, поскольку дом нередко выглядел покинутым.

– Миссис Боннер, я хотела бы отплатить комплиментом за комплимент. Мы любовались вашим домом не один год.

– Я польщена. Зовите меня Астрид. Но в вашем больше жизни. Этот ужасно... ну...

Она замялась.

– Взрослый, вот подходящее слово. Том уже владел им, когда мы поженились, и он был прекрасно обставлен. Заходите на чашечку кофе. Или выпить чего-нибудь покрепче.

– С удовольствием.

– А почему бы не заглянуть прямо сейчас?

– Я... Я бы не против, но, сказать по правде, я вся вымотана. Прошедшие два дня были для меня сущим кошмаром, да еще три недели каторжного труда в Нью-Йорке. Как-нибудь в другой раз.

– Рада буду вас видеть. Еще раз спасибо за поездку. – Она вышла из машины и, поднимаясь по ступенькам дома, помахала рукой. Джесси помахала в ответ. Вот это дом. Она была рада тому, что встретила Астрид Боннер. Замечательная женщина.

Джессика вырубивала к своему дому, размышляя об Астрид и о том, что та сказала. Похоже, она многим пожертвовала ради своего мужа. И выглядела при этом счастливой.

Джесси зашла в темный, неосвещенный дом, сбросила туфли и, не включая свет, усеялась на диван. Она мысленно откручивала назад кадры прошедшего дня. Невозможно поверить. Встреча с Мартином Шварцем, чек на пару тысяч долларов, посещение Яна в тюрьме, обмен любезностями с Астрид Боннер... Когда же жизнь снова станет нормальной?

Ей захотелось чего-нибудь выпить, но не было сил двинуться с места. В то время как ее мозг по-прежнему лихорадочно работал, тело отказывалось служить. Джесси продолжала вспоминать встречу с Яном в тюрьме. Она опять дома. Одна. Он всегда ждал ее по вечерам. Дом был невыносимо безмолвен... так же была молчалива квартира Джейка, когда она попадала туда... после его кончины... почему она думала сейчас о брате? Почему продолжала сравнивать его с Яном? Ян был жив. И завтра будет дома, ведь правда? Будет. А что, если... Джесси боялась закончить мысль. Зазвонил дверной звонок, а она даже не слышала, пока, наконец, настойчивое дребезжание не вернуло ее в реальный мир. Последние силы ушли на то, чтобы подойти к двери.

Она стояла в полный рост в темноте передней и разговаривала через дверь. Джессика слишком устала даже для того, чтобы попытаться угадать, кто бы это мог быть.

– Кто там? – Ее голос с трудом пробивался через дверь. Но он слышал ее. Он посмотрел через плечо на напарника и кивнул. Второй мужчина медленно пошел назад к зеленой машине.

– Полиция.

Ее сердце упало, потом заработало, как паровой молот, и, дрожа всем телом, она прильнула к стене. Что теперь?

– Да?

– Это инспектор Хоугтон. Я хочу поговорить с миссис Кларк. – Он знал, что это была она. По другую сторону двери Джессика пыталась справиться с искушением сказать ему, что миссис Кларк нет дома. Но «Морган» был хорошо виден, инспектор, очевидно, ждал ее воз-

вращения где-то поблизости, ожидая, пока она не вернется домой. От них нельзя скрыться. Им принадлежала ее жизнь, так же, как и жизнь Яна.

Джесси медленно отперла дверь и замерла в неосвещенном холле. Даже без туфель она была на дюйм выше инспектора. Их глаза встретились. Вся ненависть, которую она не могла не чувствовать из-за предательства Яна, обрушилась на Хоугтона. Его было легко ненавидеть.

– Добрый вечер. Можно войти?

Джессика впустила его в дом, щелкнула выключателем и первой прошла в гостиную. Она остановилась в центре комнаты, наблюдая за ним и не приглашая сесть.

– Итак, инспектор? Что вам нужно? – Ее тон не предвещал ничего хорошего.

– Подумал, что мы могли бы немного побеседовать.

– О! Даже так. – Она испугалась, но еще больше боялась показать это. А что, если он хотел ее изнасиловать? На этот раз настоящее изнасилование. Что, если... Боже... где Ян?

– Самый обычный разговор, миссис Кларк.

Они, казалось, кружили вокруг, буравя друг друга взглядами, как смертельные враги. Удав и его жертва. Джессике не нравилась выпавшая ей роль. Он оценил ее красоту, но не показывал этого. Хоугтон ненавидел Яна по нескольким причинам.

– Не возражаете, если я сяду? – «Да. Еще как».

– Нет. Пожалуйста. – Она показала ему рукой на диван, а сама опустилась в свое любимое кресло.

– Отличный дом, миссис Кларк. Вы давно здесь живете? – Он посмотрел по сторонам, как будто пытаясь схватить все детали, тогда как Джессика мечтала лишь о том, чтобы выпарапать ему глаза и вышвырнуть вон. Но сейчас она понимала, что это нереально. Можно ненавидеть полицейских, но нельзя проявлять недружелюбие. Она не виновна, Ян тоже не виновен, и тем не менее она была сама не своя от ужаса.

– Инспектор, это допрос или светский визит? Мой адвокат посоветовал мне не отвечать на вопросы полицейских в его отсутствие.

Она не отводила взгляда от ноги Хоугтона в темно-бордовом носке, думая о том, не попытается ли он ее изнасиловать. На инспекторе был блестящий галстук горчичного цвета. Джессику начало подташнивать, она со страхом попыталась вспомнить, приняла ли утром противозачаточную таблетку. А потом вдруг взглянула на него и сразу же поняла, что убьет его, если придется. Непременно убьет.

– Да, вы имеете право не разговаривать с полицейским, пока рядом с вами нет вашего адвоката, но я хочу задать несколько вопросов и думаю, что для вас будет приятнее ответить на них здесь. – «Большая честь».

– Я лучше отвечу на них в суде. – Но оба прекрасно знали, что ей не пришлось бы этого делать, поскольку она была женой обвиняемого и, следовательно, освобождалась от дачи показаний.

– Как вам угодно. – Он встал, собираясь уходить, и остановился у бара. – Вы – алкоголика. Как и ваш муж?

Вопрос вывел Джессику из себя.

– Нет, и мой муж – тоже нет!

– Да, я так и думал. Он утверждает, что она на него набросилась, когда они поднялись в номер. Я так понимаю, он спокойно себе лежал. Не похож ваш муж на алкоголика.

У Джессики упало сердце, а глаза наполнились ненавистью. Этот сукин сын пытался заманить ее в ловушку.

– Инспектор, я прошу вас уйти. Немедленно. – При этих словах Хоугтон повернулся к ней, выражая притворное сочувствие. Но в его глазах кипел тот же гнев, что и у Джессики. Голос его был едва слышен, хотя он стоял в метре от нее.

– И что вы делаете с таким слабохарактерным отребьем, как он?

– Убирайтесь из моего дома! – произнесла она так же тихо, все ее тело била дрожь.

– А если он отправится на «отдых»? Найдете себе другого милашку-жиголо вроде него? Поверь мне, сестричка, он не стоит того. Таких пруд пруди.

– Убирайтесь!!! – Слова вылетели как два кулака в его лицо. Хоугтон повернулся на каблуках и направился к двери. Задержавшись на мгновение, он посмотрел на нее.

– До встречи. – Дверь за ним закрылась, и впервые в жизни Джессика почувствовала тягу к убийству. В тот вечер инспектор вернулся опять, в десять часов, с двумя полицейскими в штатском и ордером на обыск. Они перевернули весь дом в поисках оружия и наркотиков.

На этот раз Хоугтон был деловит и официален, он избегал встречаться с ней взглядом на протяжении всего часа, который они провели в доме, роясь в ящиках и шкафах, переворачивая белье, потроша ее сумочку на кровати, высыпая мыльную стружку и разбрасывая одежду и бумаги Яна по всей гостиной.

Они ничего не нашли; а Джессика ничего не сказала об этом Яну. После их ухода она четыре с половиной часа приводила все в порядок и еще два часа приходила в себя от рыданий. Эти мерзавцы над ней надругались. Не в том смысле, в каком она боялась, в другом. Фотографии ее матери лежали, раскиданные по столу, противозачаточные таблетки были высыпаны на кухне, половину из них забрали на анализ в лабораторию. Вся ее жизнь была разбросана по дому. Теперь это была и ее война. И она приготовилась к борьбе. Та ночь изменила все. Они стали и ее врагами, не только Яна. Впервые за семь лет Яна не было рядом, чтобы защитить ее. И дело не только в этом. Именно он толкнул ее на тропу войны. Он навлек на нее беду. А она всего-навсего беспомощная женщина. Это была его ошибка. Теперь и он стал ее врагом.

Глава 8

Джессика ожидала появления Мартина Шварца в последних рядах зала заседаний. Список дел, назначенных к слушанию, был раздут сверх меры, и суд начался позже. Церемонии, свидетелем которых стала Джессика, проходили очень скучно. Большинство обвинений отбарабанивались пункт за пунктом, произвольно назначались залого, и в зале появлялись новые лица. Яна привели из тюрьмы через специальную дверь в сопровождении двух охранников, по одному с каждой стороны.

Мартин прошел вперед. Безжалостным тоном были зачитаны пункты обвинения, один за одним, безо всяких подробностей. Яна спросили, понимает ли он, в чем его обвиняют, и он безрадостно ответил: «Да».

Залог был назначен в двадцать пять тысяч долларов. Мартин попросил о его снижении, и пока судья раздумывал, на ноги вскочила молоденькая помощник окружного прокурора и возразила. Она считала, что серьезность рассматриваемого дела предопределяла больший залог. Судья не согласился. Он снизил сумму до пятнадцати тысяч и стукнул молоточком. Ввели следующего бедолагу. Предварительное слушание было назначено через две недели.

– Что будем делать теперь? – прошептала Джессика вопрос на ухо Мартину, когда он вернулся на свое место. Яна уже увели из зала суда, и сейчас он находился опять в тюрьме.

– Теперь вам нужно наскрести пятнадцать тысяч долларов или предоставить ему закладную на эту сумму.

– Каким образом?

– Пойдемте. Займусь этим сам.

О боже... пятнадцать тысяч. Громадная сумма. Стоило ли что-нибудь этих денег? Да. Ян. Они спустились в вестибюль и пересекли улицу, направляясь к одной из расположенных под неоновыми вывесками контор. Эти заведения производили отвратительное впечатление, и та, куда они вошли, была не лучше. В помещении висел густой дым от выкуренных сигарет, пепельницы были полны окурков, двое мужчин спали на кушетке, вероятно, ожидая решения своей участи. Женщина с всклокоченными светлыми волосами спросила их о цели визита. Мартин объяснил, она позвонила в тюрьму и сделала себе пометку, поглядывая на Джесси, которая пыталась выглядеть равнодушной.

– Вам придется оформить дополнительную закладную на имущество. Вы полностью выплатили стоимость дома?

Джесси кивнула.

– Я также владею собственным делом. – Она продиктовала женщине название и адрес магазина, домашний адрес, а также название банка, где хранилась закладная.

– Как вы думаете, сколько может стоить ваш бизнес? Что это вообще? Магазин одежды?

Джесси опять кивнула, непонятно почему чувствуя себя униженной. Возможно, потому, что эта женщина теперь знала суть предъявленных обвинений.

– Да, это магазин одежды. И у нас богатые оборотные фонды.

Почему она хотела произвести впечатление на эту тупицу? Очевидно, понимая, что у той в руках ключ к освобождению Яна. Мартин Шварц стоял рядом, следя за ходом дела.

– Нам нужно позвонить в ваш банк. Приходите в четыре.

– И тогда вы сможете выпустить его под залог? – О господи, пожалуйста, выпустите его под залог. Подступала паника. Горькая, неприятная масса, похожая на желчь.

– Зависит от того, что ответит ваш банк. У вас обоих один и тот же банк?

Джесси кивнула, выглядя посеревшей.

– Хорошо. Это сэкономит время. Принесите пятнадцать тысяч с собой, когда вернетесь. Наличными.

– Наличными?

– Или банковским чеком. Никаких чеков, выписанных вами.

– Спасибо.

Они вышли на улицу, и Джесси набрала полную грудь свежего воздуха. Казалось, прошли годы с тех пор, как она дышала в последний раз. Она опять вдохнула чистого воздуха, посмотрела на Мартина.

– Что происходит с теми, у кого нет денег?

– Их не выпускают под залог.

– А что потом?

– Они остаются под стражей до вынесения приговора.

– Даже если они невиновны?

– До суда нельзя утверждать, виновны они или нет.

– Что, черт возьми, происходит с «невиновными, пока не доказано обратное»?

Шварц пожал плечами и, храня молчание, по возможности избегал смотреть в ее сторону. На него угнетающе действовало пребывание в залоговой конторе. Мартин редко посещал залогодержателя вместе с клиентами. Но Ян попросил его об этом, и он дал обещание. Казалось странным обращаться с этой высокой, независимой женщиной как с хрупким и беспомощным созданием. Но он подозревал, что Ян был прав: под внешним слоем крепкой брони скрывалось ранимое сердце. Он спрашивал себя, не разлетится ли этот внешний слой до того, как все будет позади. Вот что было важно.

– А как поступают бедные, когда им нужен адвокат? – Господи, неужели ему придется читать лекции по социальному обеспечению?

– Им назначают общественных защитников. Джессика, у нас хватает и своих проблем. Согласны? Почему бы вам не отправиться в банк и не уладить дело?

– Хорошо. Простите.

– Вся система дает трещину, я знаю. Благодарите бога, что вы не одна из них, и пускай все идет как есть.

– Это трудно, Мартин.

Он покачал головой и едва заметно улыбнулся.

– Так вы идете в банк?

– Да, сэр.

– Отлично. Хотите, чтобы я пошел с вами?

– Конечно, нет. Присмотр за детьми – это часть договора или Ян настоял?

– Я... Нет... Ради бога, отправляйтесь в банк и дайте мне знать, когда вытащите его оттуда. Если я понадобится раньше, звоните. – «Как насчет того, чтобы одолжить нам пятнадцать тысяч долларов, а?»

Она улыбнулась своим мыслям, попрощалась и медленно пошла к машине. Джесси по-прежнему не имела понятия, как будет выкручиваться с деньгами. А что, черт побери, она скажет в банке? Правду. Если придется, она встанет на колени. Пятнадцать тысяч... Они были так же недостижимы, как вершины Эвереста.

После шести сигарет и полчаса вялого разговора с управляющим банком Джессика получила личный займ в размере пятнадцати тысяч долларов под стоимость машины. Они также заверили ее, что все будет в порядке, когда позвонят из залоговой конторы. На протяжении разговора с лица управляющего не сходило изумленное выражение, которое он отчаянно пытался скрыть. Безуспешно. А Джессика даже не сказала ему, какие были выдвинуты обвинения, только то, что Ян находился в тюрьме. Она в душе молилась, чтобы управляющий ничего не узнал после звонка залогодержателя, а если вдруг и узнает, то чтобы был

нем как рыба. Он уже поклялся ей, что все останется между ними. Наконец-то у нее есть пятнадцать тысяч долларов... есть... есть! А ее дом и бутик стоили в десять раз больше той закладной, которая была ей нужна. Но какое-то смутное чувство говорило ей, что этого все равно недостаточно. А что, если они его не выпустят? Она думала об этом. О содержимом металлического ящичка, который хранился за толстыми стенами.

– Миссис Кларк? – Она не отвечала, а ведь сидела напротив. – Миссис Кларк? Что-нибудь еще?

– Извините... Я просто о чем-то задумалась. Да. Я... Мне хотелось бы попасть в хранилище.

– Ключ у вас с собой?

Она кивнула. Джесси держала его в связке вместе с другими ключами.

– Я распоряжусь, чтобы мисс Лопес открыла вашу ячейку.

Джесси задумчиво последовала за ним, а потом оказалось, что она идет уже за мисс Лопес, которую видела впервые. А потом, потом она стояла перед своим ящичком, который держала в руках мисс Лопес, глядя на нее. Большой металлический ящик.

– Не хотите ли пройти с ним в комнату?

– Я... Я... Да. Спасибо. Ей не следовало этого делать. Это было ошибкой... нет... а вдруг дома и «Леди Джей» окажется недостаточно? Джесси понимала, что поступает неразумно. Она поддалась панике. Но лучше уж быть уверенной... быть... ради Яна. Все это так ужасно. Так тяжело справляться с трудностями одной.

Мисс Лопес оставила ее в маленькой, стерильной комнате со столиком из жаростойкого пластика и черным бархатным стулом. На стене висел уродливый плакат с видом Венеции, как будто вырезанный из конфетной коробки. Она была одна со своей ношей. Джесси осторожно открыла ящичек и вынула три большие кожаные коробки и два футляра из выцветшей красной замши. На дне еще оставалась меньшая по размеру коробочка, отделанная поблекшим синим материалом. Синяя коробочка хранила немногочисленные «сокровища» Джейка. Запонки, которые отец подарил ему на совершеннолетие, школьное кольцо, его кольцо из ВМФ. По большей части безделушки, но как похоже на Джейка.

В коричневых кожаных коробках лежали настоящие драгоценности. Письма, которые родители писали друг другу в течение многих лет. Письма отца с фронта. Мамины стихи, посвященные ему. Фотографии. Локоны Джейка и Джессики. Сокровища. Вещи, которые много значили в ее жизни.

Первой она открыла голубую коробочку и улыбнулась сквозь пелену слез, когда увидела брелоки Джейка, лежащие как попало на бежевой замше. Они все еще хранили его слабый запах. Она вспомнила, как дразнила брата из-за школьного кольца. Она сказала ему, что кольцо было зловещее, а он так им гордился. Теперь оно лежало здесь. Джессика надела его на палец. Слишком большое. В Джейке было почти шесть футов пять дюймов.

Джесси вернулась к коричневым коробкам. Она так хорошо знала их содержимое. Золотыми буквами в правом нижнем углу на них были выгравированы инициалы ее родителей. Каждая – точная копия другой. Семейная традиция. В первой она обнаружила фотографию их всех четверых, снятую как-то на Пасху. Ей было одиннадцать или двенадцать, Джейку – семь. Джесси не могла этого вынести. Она очень медленно закрыла коробку и вернулась к тому, за чем пришла.

Красные замшевые футляры. Невероятно, что все происходит на самом деле. Она действительно собиралась взять мамины драгоценности. Они были дороги для нее, святы, она даже не надевала ни одно из них за все эти годы. А теперь хотела оставить их в чужих руках.

Джессика с величайшей осторожностью раскрыла футляры, ее взгляд замер на длинном ряду колец. Рубиновое в старой оправе, принадлежавшее ее бабушке. Два красивых кольца с нефритом, которые отец привез с Дальнего Востока. Изумрудное кольцо, о кото-

ром мама так долго мечтала и которое получила на пятидесятилетие. Кольцо с бриллиантом, которое папа подарил ей к помолвке... и обручальное кольцо, ее «настоящее» кольцо, которое она всегда носила. Тонкое золотое колечко, самое любимое. Там же были два простых золотых браслета-цепочки. Золотые часы с крошечными бриллиантами, вправленными в циферблат. А также большая красивая брошь с сапфирами в обрамлении маленьких бриллиантов, принадлежавшая бабушке Джессики.

Во втором футляре находились три нитки прекрасного жемчуга, жемчужные серьги и пара сережек с бриллиантами, которые она и Джейк вместе купили за год до его смерти. Все лежало на месте. Она знала, что не сможет оставить это у залогодержателя, даже если бы не было другого выхода. И тем не менее у нее был выход на самый крайний случай. Два дня назад она бы себе в этом не призналась, но сейчас...

Джессика сложила остальные коробки в металлический контейнер и покинула комнату почти два часа спустя после того, как вошла туда. Банк уже закрывался.

Когда она вернулась на Брайант-стрит, женщина, которая беседовала с ней утром, ела капаящий жиром чизбургер, попутно читая газету.

– Нашли деньги? – Она оторвала взгляд от газеты и переключилась на Джессику, разговаривая с набитым ртом. Джессика кивнула.

– Вы разговаривали с банком по поводу дополнительной закладной? – Ей было уже невмogu, а уединенное общение с металлическим контейнером почти лишило ее душевных сил. Джесси хотела, чтобы этот кошмар закончился. Немедленно.

– Какой банк? – Лицо женщины сохраняло неожиданно пустое выражение, и Джесси сжала кулаки, чтобы не закричать.

– Калифорнийский объединенный банк. Я хотела бы, чтобы моего мужа выпустили под залог сегодня вечером.

– Какие обвинения? – Что эта особа пыталась с ней сделать? Ведь вспомнила же она, что Джессика вернулась не с пустыми руками – как она могла забыть остальное? Или она вела нечестную игру? Ладно, черт с ней.

– Обвинения в изнасиловании и попытке изнасилования. – Она почти прокричала слова.

– Владеете ли вы какой-либо собственностью?

– Ради бога, мы все это уже выясняли сегодня днем, вы собирались позвонить в банк по поводу моего дела и закладной. Я была здесь с адвокатом, заполнила бумаги и...

– Хорошо. Ваше имя.

– Кларк.

– Да. Вот. – Блондинка вытянула бланк двумя жирными пальцами. – Сейчас не можем выпустить его под залог.

– Почему? – Джессику выворачивало наизнанку.

– Приходите утром.

Конечно, пока Ян оставался в тюрьме еще на день. Замечательно. Ее душили слезы разочарования, но она ничего не могла поделать, кроме как пойти домой, а утром вернуться.

– Хотите поговорить с боссом?

Лицо Джесси посветлело.

– Сейчас?

– Да. Он здесь. В задней комнате.

– Превосходно. Скажите ему, что я здесь. – О господи, пожалуйста... пожалуйста... пусть он окажется человеком... пожалуйста...

Мужчина появился из задней комнаты, ковыряя в зубах грязным пальцем, на котором блестело золотое кольцо с крупным розовым бриллиантом. В другой руке он держал банку пива. На нем были джинсы и футболка, из-под которой выбивались заросли густых черных

волос, короткой курчавой стрижкой он походил на негра. Ненамного старше Джесси. Он ухмыльнулся, когда увидел ее, последний раз зацепил зуб, вытащил руку изо рта и протянул ей. Она пожала ее, хотя и не без отвращения.

– Здравствуйте, я – Джессика Кларк.

– Барри Йорк. Чем могу быть полезен?

– Я пытаюсь добиться освобождения моего мужа под залог.

– Откуда? Какие обвинения? Эй... подождите-ка минутку. Давайте пройдем в мой офис. Хотите пива?

Да, она хотела. Но не могла пить с ним. Ей было жарко, она устала, у нее пересохло в горле, к тому же Джессика была сыта по горло этой канителью и напугана до смерти, но она не хотела пить с Барри Йорком, даже воду.

– Спасибо, нет.

– Кофе?

– Нет. Я в полном порядке, но все равно спасибо. – Он пытался быть приличным. Нужно было отдать ему должное. Он проводил ее в маленькую, затхлую комнатку с фотографиями голых красоток на стенах, плюхнулся в крутящееся кресло, нацепил на голову зеленые солнцезащитные очки, включил стереопроигрыватель и ухмыльнулся.

– Не часто у нас такие гости, как вы, миссис Кларк.

– Я... не... Спасибо.

– Ну так что с вашим стариком? Какая загвоздка? Вел машину в пьяном виде?

– Нет, изнасилование. – Барри присвистнул, а Джессика старалась смотреть в одну точку.

– Ничего себе. Какой залог?

– Пятнадцать тысяч.

– Плохие новости.

– Вот почему я здесь. – Хорошие новости для тебя, Барри. Может быть, после этого ты даже сможешь купить себе золотую зубочистку с бриллиантом. – Сегодня я разговаривала с вашей сотрудницей, она должна была позвонить в мой банк и...

– И... – Его лицо посуровело.

– Она забыла.

Барри покачал головой.

– Нет. Мы не оформляем такие высокие залоги.

– Не оформляете?

Он опять покачал головой.

– Обычно нет. – Джессика подумала, что вот-вот расплатится. – Похоже, она просто не хотела сказать вам.

– Итак, я потеряла день, а мой муж по-прежнему в тюрьме, банк ждет известий от вас и... что теперь, мистер Йорк? Что, черт возьми, теперь?

– Как насчет того, чтобы пообедать? – Он приглушил звук и похлопал ее по руке. От него разило копченой говядиной с чесноком. Он источал зловоние.

Джессика едва взглянула на него и встала.

– Мой адвокат ошибся в отношении вашего заведения, мистер Йорк. И у меня есть желание проинформировать его на этот счет.

– А кто ваш адвокат?

– Мартин Шварц. Он был со мной здесь этим утром.

– Послушайте, миссис... как ваше имя?

– Кларк.

– Миссис Кларк. Почему бы вам не присесть, и мы все, все обсудим.

– Сейчас или после обеда? Или слушаем еще музыку? – Йорк улыбнулся.

– Вы любите музыку? Я подумал, что это создало бы нужную атмосферу.

Он опять прибавил звук. Джесси не знала, смеяться ей, плакать или кричать от злости. Похоже, что она никогда не вытащит Яна из тюрьмы. Не такими темпами.

– Вы хотите пообедать?

– Да, мистер Йорк. С моим мужем. Какова вероятность того, что вы освободите его из тюрьмы, чтобы я могла с ним пообедать?

– К сегодняшнему вечеру? И речи быть не может. Прежде всего мне надо поговорить с вашим банком.

– Именно на этом мы остановились в двенадцать тридцать.

– Ах да. Извините. Я лично займусь этим утром, но ничем не могу помочь, банки уже закрылись, тем более в отношении залладной на ту сумму, о которой вы упомянули. А как насчет дополнительной залладной?

– Мой бизнес или мой дом. Вам решать. Я прямо-таки горю желанием расстаться с тем или с другим, а то и с тем и с другим вместе. Но у меня есть мысль получше.

Она открыла сумочку и вынула два кожаных футляра с драгоценностями матери.

– Как вы посмотрите вот на это?

Барри Йорк очень медленно опустилсЯ в кресло и не произнес ни слова в течение добрых десяти минут.

– Хорошо.

– И даже очень. Изумрудное и бриллиантовое кольца с очень редкими камнями, а сапфировая брошь стоит кучу денег. Как, впрочем, и жемчуг.

– Да. Возможно, и так. Но дело в том, что я не могу ничего сказать, пока их не посмотрит ювелир. Поэтому не смогу освободить вашего мужа сегодня вечером. Хотя... они весьма недурны. Откуда?

«Украли».

– Моей матери.

– А она знакома с вашим мужем?

– Едва ли, мистер Йорк. Она умерла.

– Извините. Послушайте, завтра утром первым делом я отнесу это оценщику, потом позвоню в ваш банк. Вытащим его к полудню. Клянусь, если камешки настоящие. Но раньше не могу. К полудню, если все тип-топ. Вы знаете мой процент?

«Да, дорогой, парочку медяков».

– Да.

– Ну все, тогда заметано.

– Мистер Йорк, почему бы вам не взять драгоценности и не освободить его сегодня вечером? Он никуда не убежит, а финансовые вопросы мы уладим завтра. Если бы ваша помощница позвонила в банк своевременно...

Но он уже качал головой и ковырял в зубах, протестуя подняв другую руку.

– Я бы рад. Но не могу. Точка. Мое дело – залогИ. Я займусь вашим делом утром в первую очередь. Обещаю. Приходите к десяти тридцати, и мы все уладим.

– Отлично. – Она поднялась, ощущая тяжкий груз на своих плечах, и убрала футляры обратно в сумочку.

– Вы их не оставите?

– Не-а. Это я приготовила на тот случай, если вы сумеете освободить его сегодня вечером. Думала, вы поймете, чего они стоят. А так я лучше расстанусь с домом или со своим бизнесом.

– Н-да. – Йорк был далеко не в восторге. – Это чертовски большая залладная, знаете ли. Она устало кивнула.

– Не беспокойтесь. У меня отличный дом и процветающее дело, а он к тому же – приличный человек. Не убежит за ваш счет. И вы не потеряете ни цента.

– Вы бы удивились, узнав, кто только не убегает.

– Увидимся завтра в половине одиннадцатого, мистер Йорк. – Она протянула руку, и он пожал ее, опять улыбаясь.

– По-прежнему отказываетесь от обеда? Вы выглядите усталой. Может быть, хорошая еда пойдет вам на пользу. Немного вина, чуть-чуть потанцевать... черт, слегка поразвлекитесь, пока ваш старик в тюрьме. Если подумать, раз его взяли за изнасилование, значит, он не просто вышел один подышать воздухом.

– Спокойной ночи, мистер Йорк. – Джессика медленно прошла к двери, затем – к машине и поехала домой. Полчаса спустя она уже спала, не разомкнув глаз до девяти утра, а проснувшись, почувствовала себя так, будто накануне ночью она умерла; ее бил озноб.

Происходящие события начали губительно сказываться на ее самочувствии. Еще более углубившиеся круги под глазами теперь выглядели так, словно были там всю жизнь, сами глаза, казалось, стали меньше. К тому же Джессика заметила, что стала терять в весе. Она выкурила шесть сигарет, выпила две чашки кофе с маленьким тостом, затем позвонила в бутик и предупредила, чтобы сегодня ее не ждали. К мистеру Йорку Джесси прибыла в десять тридцать. Секунда в секунду.

В офисе тем временем появились новые люди. За конторкой сидела жевавшая резинку девушка с крашеными волосами цвета армейских ботинок, рядом с ней разместился бородастый молодой человек с мексиканским акцентом. На этот раз она сразу назвала имя босса.

– Он ждет меня. – Служащие переглянулись так, как будто и слыхом об этом не слыхивали. Он появился через две минуты в грязных белых шортах и темно-синей футболке с номером «Плейбоя» и теннисной ракеткой в руках.

– Играете? – «О боже».

– Иногда.

– Вы разговаривали с банком?

Он улыбнулся, довольный собой.

– Прошу в мой офис. Кофе?

– Спасибо, нет. – Джессике начинало казаться, что кошмар никогда не кончится. Она проведет остаток жизни, летая, как теннисный мячик, между инспектором Хоугтоном и всякими Барри Йорками, залами судов и тюрьмами... Конца-края этому не было. Когда, казалось, дело было сделано, всегда находился какой-нибудь лишний пункт. Никакого выхода. Джесси была почти уверена в этом. А Ян превращался в некую мифическую личность. Хранителя святого Грааля.

– Вы неважно выглядите. Вы позавтракали?

– Да, я великолепно позавтракала. Но мой муж в тюрьме, мистер Йорк, и я бы очень хотела его оттуда вытащить. Какие на это шансы в ближайшем будущем?

– Великолепные. – Барри сиял. – Я разговаривал с банком, все в ажуре. Вы оформляете дом и соглашаетесь на залоговое удержание доходов в магазине на случай его неявки в суд. А мы придержим кольцо с изумрудом и сапфировую брошь.

– Что?

Йорк сказал это так, как будто заказывал для нее ленч, но он прекрасно понял вчера, как она относилась к фамильным драгоценностям.

– Вы, наверное, не поняли, мистер Йорк. Дом и мой бизнес – вот все, что я готова заложить. Вчера я вам сказала, что могу предложить ювелирные украшения. Но это только в том случае, если бы его освободили вечером и без звонка в банк. Без получения лишних гарантий.

– Да. Хорошо. После звонка я чувствовал бы себя лучше.

– А я – нет.

– А как вашему мужу понравится дальнейшее пребывание в тюрьме?

– Мистер Йорк, разве не существует закона в отношении залогодержателей, запрашивающих слишком большую закладную под дополнительное обеспечение?

Мартин сказал ей об этом.

– Вы обвиняете меня в мошенничестве?

О господи, если она собирается прижать его... о нет...

– Нет. Пожалуйста, послушайте...

– Послушай, малышка. Я не веду дела с юбками, которые называют меня мошенником. Я оказываю вам любезность, ужом тут извиваюсь ради вашего муженька за пятнадцатитысячную закладную, а вы называете меня вором. Я такое ни от кого не потерплю.

– Извините. – Слезы жгли ей глаза. Она спрашивала себя, хватит ли у нее сил справиться. Он окинул ее взглядом и пожал плечами.

– Ладно-ладно. Вот что я вам скажу. Мы оставим у себя только кольцо. Брошь можете забрать.

– Идет. – Вышло не так, как она хотела, но ей было все равно. Не важно. Не имеет значения, если Ян убежит и они заберут дом и ее бутик, а также машину и кольцо с изумрудом. Плевать на все.

Йорк ухитрился потратить на формальности вдвое меньше времени против обычного и скользнуть рукой по ее груди, когда доставал другую авторучку. Джесси посмотрела ему в глаза, он улыбнулся и сказал, что она будет настоящей красавицей, если станет правильно питаться, и что у него была такая же высокая подружка в школе. Ее звали Мона. Джессика только кивнула и продолжала выводить свою фамилию. Когда вся бумажная работа была закончена, он взял трубку, чтобы набрать номер городской тюрьмы.

– Я распоряжусь, чтобы Бернис перевела вас через улицу. – Он решил называть ее просто по имени. – И послушайте, Джессика, если вам когда-нибудь понадобится помощь, вы только позвоните, я буду рядом.

Она мечтала о том, чтобы этого никогда не случилось, однако, прежде чем уйти, пожала ему руку.

К тому времени, когда Барри Йорк делегировал свою сотрудницу перевести Джесси через улицу, чтобы освободить Яна под залог, был уже почти полдень. А ей казалось, что часы скоро пробьют полночь. Она была измотана, мысли путались, очертания предметов расплывались перед глазами. Она попала в царство злых, гнусных людей.

Молодая особа, которую он назвал Бернис, для вида пошелестела бумагами, затем вместе с Джесси перешла улицу, направляясь в Зал правосудия. Она просунула стопку бумаг, подписанных Джесси и Барри Йорком, в окошко на третьем этаже и повернулась к Джесси, смерив ее взглядом.

– Собираешься липнуть к своему старику?

– Простите?

– Собираешься остаться с мужем?

– Да... конечно. А в чем дело?

– Чертовски трудно тебе будет, сестренка. И что такая хорошенькая цыпочка будет делать с неудачником вроде него? Он еще потрясет твой кошелек. – Она покачала головой и заработала челюстями.

– Он того стоит.

Девушка пожала плечами и махнула рукой в направлении лифтов.

– Можешь подняться в тюрьму. Мы свое сделали.

– Нет, леди. Это я сделала. В этом-то вся и разница.

Бернис, лопнув на прощание пузырь из жвачки, направилась к лестнице.

Спустя несколько секунд Джессика была уже в тюрьме и нажимала на маленький звонок, чтобы позвать к двери охранника.

– В чем дело? Еще не время для посещений.

– Я пришла, чтобы забрать мужа под залог.

– Как его зовут?

– Ян Кларк. Знаете, известный насильник. Вам только что звонили из «Йорктаун Бондинг».

– Я проверю. – Проверишь? Проверишь что? Когда на карту поставлен дом, бутик и мамино кольцо с изумрудом, что еще проверять? А «Йорктаун Бондинг», а инспектор Хоугтон, а Ян? Ее вновь стали грызть сомнения, она не могла разобраться даже в своих переживаниях. Джессика сердилась на мужа, но не за его преступления, а за то, что его не было с ней, когда он был так нужен.

В полубессознательном состоянии, с притупившимися чувствами она прождала возле железной двери почти час, прислонившись к холодной стене. А что, если она никогда не увидит его? Но неожиданно дверь открылась. За ней, не сводя с нее глаз, стоял Ян. Небритый, грязный, неопрятный и похудевший. Но он был свободен. Она поставила на карту все, что имела. И освободила его. Со стоном она сползла ему на руки, а он, нежно обняв, повел ее к лифту.

– Все в порядке, малышка... все хорошо. Все будет нормально, Джесс... тсс...

Это был Ян. Живой Ян. Он держал ее так нежно и почти что нес к машине. Джесси понимала, что не смогла бы выдержать больше... Он не знал всех деталей своего освобождения, но когда увидел документы и услышал об изумрудном кольце ее матери, то понял больше, чем она хотела ему сказать.

– Все хорошо... Все будет хорошо. – Она прижалась к нему, когда они стояли около автомобиля, слезы рекой катились по ее щекам, на лице застыло выражение крайнего отчаяния, а между рыданиями слышались тихие всхлипывания.

– Джесси... малышка... я люблю тебя. – Ян крепко держал ее, а затем медленно повел машину домой.

Глава 9

– Какие у тебя планы на сегодня, дорогая?

Джесси налила Яну вторую чашку кофе за завтраком и посмотрела на часы. Было почти девять, она не показывалась в магазине вот уже два дня, но ей казалось, что прошел по крайней мере месяц. Мрак отступил, теперь все было позади. Ян снова дома. Вчера Джессика провела большую часть дня в полудреме в объятиях мужа – чистого, выбритого, слегка отдохнувшего. На нем были серые свободные брюки и темно-красный свитер. Каждый раз, когда она смотрела на него, ей хотелось его потрогать, чтобы убедиться, что он – настоящий.

– Ты собираешься сегодня писать?

– Не знаю еще. Полагаю, мог бы провести день, ничего не делая.

Но Ян не просил ее остаться дома, он знал, что ей нужно работать. Джессика достаточно сделала для него за прошедшие дни. Он не мог просить большего.

– Я заберу тебя на ленч.

– У меня есть идея. Почему бы тебе сегодня не поболтаться рядом с бутиком?

Ян следил за выражением ее глаз и догадался, о чем она думает. Джессика была такой же задумчивой целыми месяцами после смерти Джейка. Она боялась потерять его из виду хоть на секунду.

– Боюсь, я тебе только помешаю. Но сделаю, как ты просишь. Буду рядом с тобой большую часть времени.

– А оставшуюся? – Джессика наклонилась и взяла его за руку.

– Я собираюсь поговорить кое с кем по поводу работы.

– Нет! – Она отдернула руку, ее глаза переполняла боль. – Нет, Ян! Пожалуйста.

– Джессика, будь благоразумной. Ты подумала о том, во что нам обходится эта трагедия? Вернее, тебе, если быть точным? Самое подходящее время подыскать работу. Ничего необычного, просто пора приносить в дом немного денег.

– А как ты будешь выкручиваться, когда тебе надо будет появляться в суде? Кому ты тогда станешь приносить пользу?

Джессика опять крепко схватила его за руку, и Ян поразился отчаянию, с которым она держалась за него.

– Хорошо, что именно ты хочешь от меня, Джесс?

– Закончи книгу.

– И позволить тебе взять на себя все судебные издержки?

Джесси кивнула.

– Мы сможем уладить финансовые дела позднее, если ты хочешь. Но не принимай это близко к сердцу, Ян. Какая разница, кто подписывает чеки?

– Для меня есть разница. – Для него это всегда много значило и будет значить. Но он также знал, что не сможет ни на чем сосредоточиться до решения суда. Суд... суд... это единственное, о чем он мог думать. Пока Джессика спала, его мысли постоянно крутились вокруг предстоящего суда. Морально он был не в состоянии работать.

– Посмотрим.

– Я люблю тебя. – В глазах Джесси вновь появились слезы, и он ущипнул ее за кончик носа. – Если вам еще хоть раз вздумается пустить слезу, миссис Кларк, я отправлю вас в постель и такое сделаю, что вам придется поплакать. – В ответ она засмеялась и налила ему еще кофе.

– Не могу поверить, что ты – дома. Без тебя было так ужасно... Это было... было, как... – Слова застряли у нее в горле.

– Наверное, было тихо и спокойно. Это могло внести разнообразие в твою жизнь, но ты по своему неразумению этим не воспользовалась. Черт возьми, не думаешь ли ты, что я останусь там навсегда? Я хочу сказать, что даже писателя подобный способ знакомства с теневыми сторонами жизни очень скоро начинает утомлять.

Но она уже улыбалась, ей нечего было бояться.

– Хочешь, отвезу тебя на работу?

– С удовольствием.

Джессика просияла, освещая все вокруг своей улыбкой. Она поставила чашки в раковину и взяла оранжевое замшевое пальто со спинки стула. На ней были джинсы и бежевый кашемировый свитер. Перед Яном снова стояла прежняя Джессика, если не считать темных кругов под глазами. Она нацепила солнцезащитные очки и улыбнулась.

– Думаю, я лучше поношу их пару дней. У меня вид, как после двухдневного запоя.

– Ты выглядишь прекрасно, и я люблю тебя. – Он ущипнул ее, когда они шли к двери, а она прижалась к нему, чтобы поцеловать через плечо. – Ты даже пахнешь замечательно.

– Все самое лучшее. Туалетная вода «Миль Пье».

По пути в бутик она показала ему дом Астрид и рассказала о ее посещении магазина.

– Замечательная женщина. Очень тихая и приятная.

– Черт, я бы тоже был тихим и приятным с такими деньгами.

– Ян! – Но она только улыбнулась и провела рукой по его волосам. Как хорошо сидеть рядом с ним, смотреть на его профиль, когда он ведет машину, целовать его. Ночью она просыпалась не один раз, чтобы удостовериться, что муж рядом.

– Я приеду примерно к двум, хорошо? – Она посмотрела на него долгим взглядом, прежде чем ответить.

– Ты будешь здесь? Точно?

– Да, детка... Буду. Обещаю. – Ян обнял ее, а она так крепко прижалась к нему, что было больно. Он понимал, что Джессика подумала о том дне, когда его арестовали и он не появился на ленч.

– Будь умницей. – Она улыбнулась и выскочила из машины, послав ему воздушный поцелуй.

Отъехав от бутика, Ян закурил и окинул взглядом корабли в заливе. Замечательный день. Бабье лето уходило, было не так жарко, как несколько дней назад, но небо оставалось ярко-голубым, а в воздухе чувствовался легкий ветерок. Это навело его на размышления о том полдне, пять дней назад. Как будто пять лет прошло. Он по-прежнему не мог понять, как это случилось.

Ян притормозил у светофора, потом поехал дальше, его мысли текли своим чередом. Кольцо с изумрудом, оставленное Джесси в залог. Это потрясло его до глубины души. Он знал, как она относилась к драгоценностям своей матери. Джессика даже не стала их носить. Для нее они были святыней. А кольцо с изумрудом значило для нее больше, чем все остальные украшения. Однажды он заметил, как Джесси примеряла его, и у нее при этом дрожали от волнения руки. Тогда она убрала кольцо обратно в футляр и никогда больше не возвращалась в хранилище. Теперь же она отдала его в качестве залога, чтобы освободить мужа. И Ян подумал о том, о чем никогда раньше не задумывался. Он чувствовал, что любит ее больше, чем до того, как все это началось, и, может быть, Джессика тоже что-то поняла. Для них обоих стало ясно, каким бесценным сокровищем они обладают. Возможно, они начнут обращаться с ним с большей осторожностью. Ян знал только одно. Дни его затянувшегося отдыха были окончены. Навсегда. Вдруг оказалось, что у него есть преданная жена. Чего еще ему желать? Ребенка, пожалуй, но Ян смирился с отсутствием детей. Он был счастлив и с Джесси.

– Доброе утро, девочки. – Джессика впорхнула в магазин с приветливой улыбкой. Катуко подняла голову от стола.

– Посмотрите, кто пришел. Да еще в субботу. Мы уже начали думать, что ты нашла лучшую работу.

– Да нет, пока не везет.

– У тебя все в порядке?

– Да. Нормально. – Джессика медленно кивнула, и Катуко поняла, что она говорит правду. Джесси снова была сама собой.

– Я рада. – Катуко протянула ей чашку кофе, и Джесси присела на краешек стола из хромированной стали и стекла.

– А где Зина?

– На складе, проверяет товар. Миссис Боннер приходила вчера, спрашивала о тебе. Она купила одну из новых бархатных юбок винного цвета.

– На ней она, должно быть, выглядела великолепно. Она не пробовала надеть ее с кремовой атласной рубашкой?

– Угу. Купила и то и другое, да еще зеленый брючный костюм из бархата. У нее, наверное, денег куры не клюют.

Да. И одиночества предостаточно. Джесси узнала его вкус.

– Она вернется, – добавила Катуко.

– Надеюсь. Даже если ничего не купит. Она мне нравится. Что-нибудь готово к показу мод?

– Вчера у меня появилось несколько идей, Джесси. Я сделала заметки и оставила их на твоём столе.

– Пойду взгляну. – Она лениво потянулась и двинулась к своему кабинету, неся в руках чашку с кофе. Сегодня, в это медленно тянущееся утро Джесси казалось, что она вернулась после долгой серьезной болезни. Она была медлительна, осторожна, боялась сделать неверный шаг. Все вокруг выглядело не так, как прежде. Бутик был таким уютным, девушки такими красивыми... Ян таким милым... и даже небо таким синим... все выглядело лучше.

Джессика прочитала письма, оплатила счета, сменила витрину и поспорила с Катсуко относительно будущего показа мод, пока Зина обслуживала покупателей. Ян примчался за пять минут до полудня. С охапкой роз. Изящных, оранжево-розовых, которые Джессика любила больше всего.

– Ян! Какая прелесть! – В букете было около трех дюжин, еще она заметила квадратный предмет, оттопыривавший карман его пиджака. Ян баловал ее, и она любила его. Он улыбнулся и кивнул в сторону двери.

– Можно вас на минутку, миссис Кларк?

– Да, сэр. За три дюжины роз можете лицезреть меня несколько недель! – Обе девушки засмеялись, и Джесси прошла за Яном в свой кабинет. Он мягко прикрыл дверь, и широкая улыбка появилась на его лице.

– Хорошее было утро?

– Ты только за этим привел меня сюда?

Он улыбнулся и с трудом сдерживал смех.

– Признавайся. Это больше, чем коробка конфет?

– Что?

– Подарок, который ты мне купил, конечно.

– Какой подарок? Я купил тебе розы, а ты хочешь большего! Ах ты, жадная испорченная девчонка...

Но его довольный вид не мог убедить Джесси.

– Вот... – Ян вытащил коробку из кармана, его рот растянулся в улыбке от уха до уха. Внутри лежал массивный золотой браслет, на котором было выгравировано «С любовью. Ян». Он буквально стоял над душой у ювелиров все утро, пока они делали свое дело. Неподходящее время, чтобы швыряться деньгами, но Ян давно знал, что ей нужно что-то подобное, и тут его будто осенило, когда он сел за роман. Красивый браслет, точно по ее руке. Он стоил ему его последних сбережений.

– О, дорогой... как красиво! – Джессика застегнула его на запястье, браслет сидел как влитой. – Бесподобно! Ян... ты сумасшедший.

– Я просто без ума от тебя.

– Я начинаю думать, что у тебя нефтяная скважина. Ты потратил целое состояние. – Но в ее голосе не чувствовалось осуждения, только радость.

Ян пожал плечами.

– Подожди, я покажу девочкам. – Она поцеловала его, открыла дверь и столкнулась нос к носу с Зиной, которая шла в кладовую.

– Взгляни на мой браслет!

– Вот это да! Это подарок того привлекательного молодого человека с розами?

Она засмеялась и подмигнула Яну.

– О, замолчи. Как тебе браслет?

– Роскошный. Где найти другого такого мужчину?

– Попробуй на киностудии. – Ян ухмылялся из-за плеча Джесси.

– А что? И попробую.

Зина исчезла в кладовой, а Джесси тем временем с победным видом показывала браслет Катсуко. Несколько минут спустя Ян и Джессика уже шли к двери, собираясь вместе пообедать.

– Как мне нравится твой браслет! – Она напоминала ребенка, которому дали новую игрушку. Джессика держала свою руку так, чтобы видеть, как браслет переливается в солнечном свете. – Дорогой, мне так нравится твой подарок! А как тебе удалось заставить их так быстро сделать гравировку?

– Под дулом пистолета, конечно. Как же еще?

– У тебя действительно есть класс.

– Для насильника, – ответил он с улыбкой.

– Ян!

– Да, любовь моя? – Он поцеловал ее, садясь в машину, и она засмеялась. В нем было больше стиля, чем в любом мужчине, которого она знала.

Вечером они пошли в кино и поздно проснулись в воскресенье. Был еще один теплый безоблачный день, на небе, как приклеенные, висели похожие на декорации облака.

– Не хотите ли пойти на пляж, миссис Кларк? – Ян лениво потянулся на своей половине кровати, перевернулся и поцеловал жену. Ей нравилось, как его щетина щекочет ее щеку. Жесткая, но не причинявшая боли.

– Неплохо бы. Сколько сейчас?

– Почти полдень.

– Не может быть. Наверное, девять.

– Нет. Открой глаза и посмотри сама.

– Не могу, я все еще сплю. – Он поцеловал ее в шею, Джессика засмеялась и открыла глаза. – Прекрати!

– Ни за что. Вставай и приготовь мне завтрак.

– Эксплуататор. Ты никогда не слышал о феминистском движении? – Она лежала на спине, сонная и зевающая.

– А что это такое?

– Движение за освобождение женщин. По воскресеньям мужья должны готовить завтрак... но... с другой стороны, – она посмотрела на браслет, широко улыбаясь, – им не вменяется в обязанность дарить женам такую роскошь. Так что, может быть, я приготовлю тебе завтрак.

– Не сбейся с ног.

– Не собьюсь. Яичница пойдет? – Джессика закурила сигарету и села в кровати.

– У меня есть идея получше.

– Кукурузные хлопья? – Она расплылась в улыбке и поймала луч солнца на браслет.

– Нет. Я тебе помогу. Для того чтобы приготовить приличный завтрак, ты слишком занята браслетом. Как насчет омлета из копченых устриц с сыром?

Он, похоже, был в восторге от подобной комбинации, а Джесси сделала ужасную мину.

– Фу! Пропускаем копченые устрицы.

– А почему бы не пропустить сыр?

– Тогда, может быть, отказаться и от омлета?

– Значит, хлопья на завтрак?

– Ян, ты сумасшедший... но я люблю тебя. – Она укусила его в бедро, а он провел рукой по ее спине...

Прошел еще час, прежде чем они выбрались из постели. Даже занятия любовью стали теперь другими. В них была смесь отчаяния и благодарности.

– Так мы идем или не идем сегодня на пляж? – Он сел в кровати, его светлые волосы были всклокочены, как у мальчишки.

– Звучит заманчиво, но меня еще не кормили.

– Ах... бедняжка. Ты не захотела мой омлет из копченых устриц с сыром.

Она подергала его за выбившуюся прядь.

– Меня устроило то, что я получила взамен.

– Как тебе не стыдно.

Она показала ему язык, выбралась из постели и направилась в кухню.

– Куда это ты отправилась нагишом?

– На кухню, чтобы приготовить завтрак. А ты против?

– Ничуть. Нужна помощь?

Минуту спустя она услышала, как хлопнула калитка, и, обернувшись, увидела, как он вновь появился на кухне, обернутый вокруг бедер простыней, с букетом из петуний.

– Хозяйке дома.

– Извините, ее нет. Можно мне их взять вместо нее? – Джессика нежно поцеловала мужа, взяла цветы и положила их в подставку для сушки посуды. Ян привлек ее к себе, простыня упала на пол.

– Дорогой, я люблю тебя, но если ты не прекратишь, бекон сгорит, а мы так никогда и не попадем на пляж.

– А тебе не все равно?

Они оба улыбались, бекон на сковороде яростно разбрасывал горячие брызги, а яйца вздувались пузырями.

– Нет. Но мы могли бы поесть, раз уже все готово. – Ян похлопал ее пониже спины, Джессика выключила газ и накрыла на стол.

На пляж они попали около трех, но солнце припекало до шести. На обратном пути Ян и Джессика пообедали рыбой в Сосалито, и он купил ей забавного щенка, сделанного из морских раковин.

– Мне такая жизнь нравится. Я прямо как туристка.

– Думаю, на память об этом вечере тебе надо подарить что-то действительно дорогое.

Оба они находились в приподнятом настроении, когда ехали по мосту, возвращаясь домой, но его слова несколько удивили Джессику. Ни с того ни с сего им вдруг вздумалось покупать памятные сувениры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.